

Социал-демократия в посттоталитарной России

(Фрагменты давней и недавней истории)*

В этой работе я хотел бы поделиться моими размышлениями о процессах, происходящих в российской социал-демократии, о ее перспективах, выражая при этом свою *сугубо личную точку зрения*, но стремясь при этом быть объективным и вовсе не рассчитывая на то, что мне удастся затронуть все стороны рассматриваемой проблемы. Я хотел бы обратиться в первую очередь к тем, кто испытывает чувство ответственности за происходящее в России и кто понимает — без личного участия поворот к цивилизованному развитию невозможен. Осип Манделъштам заметил однажды: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». В этом суждении много правды. Но я не вижу иного способа повлиять на эту власть, кроме как способствовать появлению во властных структурах честных и порядочных людей, а затем с помощью соответствующих институтов (прежде всего парламента) держать их деятельность под постоянным контролем. А это возможно только благодаря участию в деятельности политических механизмов, прежде всего политических партий. К этой теме мы еще вернемся ниже, а начнем размышления с рассмотрения некоторых предубеждений, сложившихся в общественном мнении по отношению к социал-демократии вообще и к российской в частности.

У СТАРОЙ «ТЕТКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ» НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Начнем с того, что российская общественность о деятельности европейской социал-демократии в продолжение почти всего XX века либо ничего не знала, либо имела искаженные представления. Российскому, ответственно советскому, гражданину вну-

* Автор выражает благодарность П.М.Кудюкину, который нашел время, чтобы прочитать данную рукопись, и высказал ряд замечаний. Они были учтены при доработке.

шалось, что социал-демократы, пойдя на соглашательство с буржуазией и отказавшись от революционной классовой борьбы против капитализма, предали тем самым интересы рабочего класса. В период правления Сталина социал-демократов вообще называли «социал-фашистами», мотивируя это тем, что, мол, обычные фашисты действуют в открытую, а социал-демократы такую же деятельность прикрывают разговорами о социальной защите трудящихся.

Когда «железный занавес» чуть-чуть приоткрылся, и появилась возможность — прежде всего для партийных функционеров и государственных чиновников — посещать страны Запада, то было с удивлением установлено, что уровень жизни трудящихся в этих странах значительно выше, чем в странах «развитого социализма». Было также установлено, что в этом существенную роль играют социал-демократические партии — и когда они входят в правительства, и когда находятся в оппозиции, вынуждая своими требованиями правящие круги идти на уступки. Такой видный европейский и германский либерал, как Ральф Дарендорф, вообще весь XX век в Европе назвал социал-демократическим, имея в виду, что при всех зигзагах политического развития шел процесс формирования механизмов социального государства. Социальное государство стало определяющим признаком политической и социально-экономической системы, которая уже ушла от капитализма в его неприглядном проявлении. Что, кстати, и дает основание некоторым ученым называть современные страны Европы «смешанным обществом».

Однако предназначение социального государства не только в том, чтобы оказать поддержку слабо защищенным группам населения, помочь им встать на ноги и заниматься какой-то полезной для общества деятельностью. Социальное государство зиждется на фундаменте социального партнерства. Суть этого социального партнерства состоит в том, что представители предпринимательства и наемных работников при участии представителей государства регулярно встречаются и договариваются об основных показателях трудовой деятельности — размер заработной платы, рабочее и отпускное время, условия труда и т.д. Тем самым утвердились и развивались основы консенсусной культуры, которая, как мне представляется, является главным приобретением Европы в ходе ее исторического развития. Один из главных результатов — вот уже более полувека европейский континент не сотрясает бури социально-революционного характера. Классовые баррикады уходят в прошлое, хотя социальные конфликты продолжают существовать, выражаясь, в частности, в виде забастовок.

Но, как правило, они находят свое разрешение за столом переговоров.

Один из упреков в адрес социал-демократов — между ними ведутся бесконечные споры. И это действительно так. Иначе быть не может в подлинно демократической партии. Тем более в партии, которая руководствуется не узкопрагматическими соображениями, но намеревается утвердить в жизни свои представления о гуманном цивилизованном обществе, где царят право, справедливость и, конечно же, свобода. Одни представляют себе такое общество как социалистическое, другие — как общество социальной демократии. Одни обращаются при этом к марксистским теоретическим построениям, другие пытаются осмыслить все философско-теоретическое наследие человечества, выделяя при этом аспекты, связанные со взаимоотношениями человека и общества. Но и те, и другие уже не ставят вопрос о построении некоей раз определенной модели, и уж тем более о некоей социалистической формации. История открыта, и на каждом витке она ставит общество перед необходимостью заново осмысливать суть гуманизма и способы его претворения в жизнь.

Такие расхождения среди социал-демократии связаны с разными причинами, но прежде всего с переменами, которые происходят в самом обществе, в его социальном составе. Одни социал-демократы обращают внимание на традиционные подходы, которые сложились в партиях, когда в среде наемных работников преобладали рабочие крупных предприятий с их коллективистскими традициями, а в теории господствовали марксистские представления о возможностях построения общества на социалистических началах. Другие исходят из того, что времена изменились, условия труда изменились, изменился и сам тип наемного работника, его психология. Коллективистские настроения уступают место индивидуалистическим взглядам на жизнь. В силу этих обстоятельств социал-демократы поставлены перед необходимостью обновить, модернизировать свою политику, учитывая, что ныне его основной социальной базой является уже не промышленный рабочий класс XX в., а новые средние слои, формирующиеся в условиях информационно-компьютерной цивилизации.

Словом, если в прошлом социал-демократов делили на левых (сторонников решительных преобразований в духе марксистских представлений) и правых (прагматиков, сторонников постепенных реформ), то сегодня их заменили «традиционалисты» и «модернизаторы», хотя это, разумеется, условное деление, указывающее на существование неких тенденций. Добавим, тенденций, свидетельствующих о способности социал-демократических

партий к постоянному обновлению. Так что у «старой тетки» социал-демократии, как ее однажды шутливо назвал Вилли Брандт, сегодня новые проблемы. Впрочем, когда их не было за 150 лет ее истории?

Еще один стереотип, сложившийся в недавнем прошлом, — социал-демократы доживают свой век, они исчерпали себя. В левомарксистском журнале «Альтернативы» в 1998 г. даже появилась статья под заголовком «Агония социал-демократии» [1]. Как раз в это время партии социал-демократической ориентации приходили к власти в крупнейших странах Европы — Великобритании, Франции, Германии. Добивались они победы и в других странах Европейского Союза. Ныне, когда пишутся эти строки (сентябрь 2002 г.), наблюдается вроде бы обратная тенденция. Потерпели поражение социалисты во Франции — и на президентских выборах, и на выборах в Национальное собрание. С большим трудом удержалась у власти германская социал-демократия на выборах в Бундестаг 22 сентября 2002 г. Но вместе с тем победили на парламентских выборах социал-демократы в Швеции, Чехии, Венгрии. Так что, с одной стороны, вроде бы подтверждается распространенное среди политологов представление о существовании некоего политического маятника. Но, с другой стороны, деление на «правых» и «левых» все больше устаревает. В обществе начинают проявлять себя какие-то другие «маятники», связанные, помимо прочего, с популистскими, правозэкстремистскими настроениями. А что касается смены партий у власти, то в демократических странах это в порядке вещей, и ничто так не вредит политическим партиям, как слишком длительное пребывание у рычагов власти. Опыт христианских демократов в Италии — наглядное тому подтверждение. За годы почти полувекowego пребывания у власти эта партия выродилась в бюрократическую коррумпированную структуру. Пребывание в оппозиции полезно для партий, как полезно кораблю время от времени заходить в доки и очищать днище от налипших во время плавания ракушек. Все это имеет самое прямое отношение и к социал-демократам. Разумеется, пока что только к европейским социал-демократам. У российских социал-демократов совсем другие заботы.

ПРИРОДА ПАРТИЙНОГО РАСКОЛА

Одна из этих забот — осмыслить свое прошлое и сделать из этого соответствующие выводы.

При этом весьма важно, чтобы российское общество имело ясное представление о том, какими были российские социал-де-

мократы в период первоначального становления, почему они раскололись, и как это сказалось на судьбах России.

Начинать придется издалека. С последней трети XIX в. Именно тогда в России наконец-то пробуждается политическая жизнь. Структура общества усложняется, появляется — пока еще с полукрестьянской психологией — промышленный рабочий класс, все большую активность проявляет купечество, предпринимательство, возникает и растет промежуточная прослойка — «разночинцы», а между тем политические механизмы властвования остаются без изменений, не отвечая потребностям новых социальных групп. Преобладающее население — крестьяне — пребывают в положении крепостных, а над ними возвышается узкая прослойка дворян, многие представители которой все более осознают несправедливость заведенного порядка вещей. Именно из среды дворян исходили первые побуждения к политическим преобразованиям, нашедшие отражение в выступлении на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, а затем в массовом движении народничества, представители которого считали своим нравственным долгом идти «в народ», объяснять крестьянам бедственность их положения и помогать разными способами выбираться из нужды, получать первоначальные знания. Ирония ситуации заключалась в том, что крестьяне в своей основной массе не поняли намерений народников, посчитав их очередным «барским баловством».

И тогда среди народников формируется иное представление о том, как помогать бедствующему народу. Не просветительство, а сила — вот что может служить эффективным оружием. Путем террористических действий следует заставить царя и окружающих его высших чиновников, в первую очередь министров и губернаторов, идти на уступки. Такую стратегию избрали члены подпольной организации «Земля и воля», развернув по всей стране масштабные террористические действия. Но это означало, что в зарождавшейся политической жизни обнаружился первый раскол между сторонниками просветительских, а следовательно согласительных действий. Закладывается традиция, которая затем будет проходить через всю политическую историю России вплоть до наших дней.

Отметим попутно, что сторонники террористических действий, будучи в личном плане честнейшими людьми, готовыми пожертвовать ради блага народа собственной жизнью, своими действиями тормозили проведение в России политических и социальных реформ, в конце концов, убили царя-реформатора Александра II и тем самым способствовали наступлению эпохи реак-

ции при Александре III и сменившем его Николае II. Лишь после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия, наконец-то, после Октябрьского манифеста 1905 г., подписанного Николаем II, получает первый прообраз конституции и право формировать представительный орган — парламент.

Но до этого еще было далеко. В 1879 г. на «липецких водах» проходит нелегальный съезд организации «Земля и воля». Именно на нем решается вопрос — продолжить ли стратегию террора или отказаться от него. На съезде присутствует липецкий дворянин Георгий Плеханов, красивый молодой человек, которого близкие называют просто Жоржем. Плеханов отказывается от стратегии террора и, по большому счету, именно с этого момента начинает формироваться социал-демократическая модель поведения, основанная на политике последовательных реформ.

А через год мы видим Плеханова и его единомышленников, в основном дворянского происхождения, за пределами России. Поселившись в Цюрихе, он наблюдает за деятельностью рабочих организаций в Германии, Франции и уже к осени 1880 г. в одном из писем сообщает, что к тому времени он был едва ли не половиной социал-демократом.

К 1882 г. встал вопрос об объединении всех народовольцев, находившихся к тому времени в эмиграции. Плеханов, его единомышленники Вера Засулич и Лев Дейч в подготовленном для объединения документе выдвинули следующее условие: революционную работу следует вести прежде всего среди городских рабочих, необходим союз с либералами, предстоящий переворот будет носить демократический характер.

А через год, не добившись взаимопонимания с народовольцами, Плеханов и его товарищи создают собственную организацию. Запомним имена первых российских социал-демократов марксистской ориентации: Георгий Плеханов, Вера Засулич, Лев Дейч, Василий Игнатов, Павел Аксельрод.

Автор книги о Плеханове Станислав Васильевич Тютюкин дает такую характеристику этой организации: «Плеханову очень хотелось, чтобы члены группы называли себя социал-демократами, но в России к европейской социал-демократии относились тогда с явным предубеждением, считая ее реформистским течением. Поэтому было решено назвать организацию русских марксистов-эмигрантов группой «Освобождение труда» [2, с. 84].

Примечательная констатация! Уже тогда, за 17 лет до начала XX в., а возможно и раньше, реформизм в российских интеллектуальных кругах рассматривался со знаком минус. Еще одно подтверждение тому, что силовой метод разрешения существующих

конфликтов определял лицо политической культуры вообще и революционно настроенной интеллигенции в частности.

Но Плеханова это не останавливает. В 1894 г. по его инициативе был создан «Союз русских социал-демократов за границей», который продолжал публиковать работы просветительского характера, прежде всего самого Плеханова, в частности его знаменитую книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которую удалось издать и в самой России в 1895 г. под псевдонимом Н.Бельтов.

В мае 1895 г. в Швейцарию приехал помощник присяжного поверенного из Петербурга Владимир Ульянов. Он встретился с самим Плехановым, а затем с Павлом Борисовичем Аксельродом, с которым он провел целую неделю в одной из швейцарских деревушек. Эту встречу стоит упомянуть по той причине, что уже на ней наметились разногласия, в том числе по отношению к либералам. Аксельрод высказался за политический союз с либералами, Ульянов отнесся к такому союзу скептически. В беседе с Аксельродом он признался, что и Плеханов по поводу привезенных в Женеву статей высказался критически. Аксельрод сказал тогда Ульянову: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом».

Уже позже Н.В.Валентинов в своих воспоминаниях о Ленине привел суждения Плеханова о первых встречах с ним: «Аксельрод, бывший на седьмом небе от того, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным (Тулин — псевдоним первых произведений В.И.Ленина. — Б.О.) нужно ухаживать, так как он самый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым, как с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому, что сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничный топор, а топор дровосека» [2, с. 152].

Данная цитата приводится не с целью представить Ленина в негативном свете. Из нее следует, что еще тогда, до начала XX в., у Ленина были упрощенные взгляды на марксизм, которые проявились позже не только в теории, но на практике, если вспомнить, как претворялись идеи работы Ленина «Государство и революция» в первые месяцы и даже годы после Октябрьского переворота 1917 г.

Но объективности ради отметим, что и сам Г.В.Плеханов представлял себе реформистскую деятельность социал-демократов только в рамках марксизма. И когда «ревизионист номер один в социал-демократии» Эдуард Бернштейн в 1898 г. опубликовал свою работу «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», где поставил под сомнение ряд основополагающих выводов Маркса, в частности о природе прибыли и о нарастающей пролетаризации общества при капитализме, Плеханов обрушился на него с критикой, применяя при этом не совсем парламентские выражения, вроде «Скотина ты, скотина!» (заметки Плеханова на полях книги Бернштейна).

Между тем осенью 1895 г. «молодой парень» Ульянов вернулся из Швейцарии в Санкт-Петербург и принял участие в объединении петербургских рабочих кружков в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В ходе подготовки объединения В.И.Ульянов вступил в тесный контакт с молодым социал-демократом, только что вернувшимся из ссылки за свою революционную деятельность Юлием Осиповичем Цедербаумом, взявшим себе псевдоним Мартов. Таким он и остался в истории социал-демократии, став чуть позже лидером меньшевистского направления в РСДРП. Но тогда, в ходе объединения, Мартов представлял «молодых», тогда как Ленин «стариков».

В ночь на 9 декабря 1895 г. был арестован Ленин и другие участники «Союза». Меньше, чем через месяц (5 января 1896 г.), был арестован и Мартов. Год он просидел в Доме предварительного заключения и только в конце 1897 г. был приговорен к административной ссылке в Туруханский край.

Это означает, что ни Плеханов, ни Ленин, ни Мартов не могли принять деятельного участия в подготовке и созыве учредительного съезда теперь уже политической партии, получившей название Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). В условиях конспирации в Минске в феврале 1898 г. собрались 9 делегатов и провозгласили начало деятельности политической партии социал-демократической ориентации в России.

Отметим, что до этого в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи, уже существовали две организации, носившие название социалистической рабочей партии «Пролетариат» (1882–1885 и 1886–1888), а в 1893 г. оформилась марксистская Социал-демократия Королевства Польского. Весной 1896 г. была учреждена Литовская социал-демократическая партия. Годом позже в том же Вильно прошел учредительный съезд Бунда — Всеобщего еврейского рабочего союза Литвы, Польши и России.

В том же 1887 г. в эмиграции была создана армянская социал-демократическая партия «Гнчак» («Колокол»). В 1890 г. был учрежден Армянский революционный союз «Дашнакцутюн», по своим взглядам скорее близкий к социал-революционерам. Так что партия российских социал-демократов — РСДРП — получала возможность действовать в уже существовавшем в Российской империи пусть небольшом, но уже социал-демократическом пространстве.

Но только на нелегальном положении. Вот почему свой второй съезд российские социал-демократы собирались провести в Брюсселе — столице Бельгии. Местные власти попросили их удалиться, и тогда социал-демократы перебрались в Лондон, так что проведение съезда затянулось на два месяца (июль-август 1903 г.). В ходе съезда выявились противоречия, которые накапливались уже в период деятельности общепартийной газеты «Искра», издававшейся в эмиграции. Эти противоречия особенно дали о себе знать при обсуждении первого пункта Устава партии о членстве в партии, когда на голосование были вынесены формулировки, предложенные Лениным и Мартовым. Различие заключалось в том, что каждый предлагал свой вариант деятельности партии — жесткий, кадровый (Ленин), и более мягкий, позволяющий вовлекать в деятельность партии более широкий круг сторонников (Мартов). За проект Мартова было отдано 28 голосов против 22 при одном воздержавшемся. Если судить по результатам голосования, то в большинстве оказались сторонники Мартова, а не Ленина. Но в дальнейшем большевиками стали считать именно сторонников Ленина, а сторонников Мартова — меньшевиками. Так вот еще один парадокс истории.

В данном случае важно иметь в виду, что раскол российских социал-демократов был связан с разным видением способов решения стоящих перед партией проблем: способ решительный, революционный, а значит конфронтационный, и более мягкий, придающий большее значение демократической форме прихода к власти, а значит согласительный, консенсусный подход.

При всех разногласиях на съезде со всей очевидностью обнаружилось значение личности Ленина. Это, кстати, признавал один из видных меньшевиков А.Потресов, который в свое время приложил много усилий для издания первых номеров «Искры». Он, в частности, писал: «Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладал секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собой, в особенности в

России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя» [Цит. по: 3, с. 266–267].

Но это обстоятельство несколько не помогло преодолеть существовавшие разногласия. И они касались не только подхода к сути партии, но и к политике союзов. Большевики полагали, что в борьбе против царизма необходимо вступать в политический контакт с либералами, которые, кстати, к этому времени не располагали собственной политической партией, но обладали мощной поддержкой и в предпринимательских, и в ученых, и в юридических кругах. Большевики были против, как бы продолжив позицию, которую молодой «парень Ульянов» еще в 1885 г. занял в беседах с Плехановым и Аксельродом, впервые познакомившись с ними в Швейцарии.

Еще одно отличие от большевиков: меньшевики допускали в своей среде полную свободу мнений и возможность по-разному оценивать те или иные марксистские положения. Не случайно, полагает С.В.Тютюкин, «почти у каждого крупного деятеля меньшевизма были свои оценки текущей политической ситуации, собственные прогнозы на будущее и тактические рекомендации». Так, А.Н.Потресов как бы олицетворял правый фланг меньшевиков, П.Б.Аксельрод — правый «центр», Ю.О.Мартов — левый «центр», а Л.Д.Троцкий, который до осени 1904 г., когда он перешел на позиции «внефракционного социал-демократа», занимал крайне левые позиции.

При всем этом у них были сходные позиции по ключевым проблемам. Так, они исходили из того, что революция 1905 г. носила общенациональный характер, и в ее победе была заинтересована также русская буржуазия. Оценивая роль пролетариата как «двигателя и главного деятеля революции», выступающего на политической арене от имени всех эксплуатируемых и угнетенных, в отличие от большевиков, ориентировавшихся в случае победы революции на установление «революционно-демократической диктатуры пролетариата», меньшевики полагали, что российский пролетариат после свержения самодержавия не будет претендовать на власть, а ограничится ролью крайне левой оппозиции, подталкивающей буржуазию к более радикальному решению стоящих перед страной вопросов. Эту точку зрения они отразили в резолюции «О завоевании власти и участии во Временном правительстве», принятой весной 1905 г. в Женеве на конференции, на которой они осмысливали первые уроки революции 1905 г. Эта позиция также расходилась с установкой большевиков — брать власть при всех обстоятельствах.

В советской историографии было принято считать, что революционные события 1905 г. — особенно декабрьское вооруженное восстание — закончились поражением. Но так ли это? Революционные события 1905 г. подтолкнули царя к принятию мер, которых давно ждало российское общество. Манифест от 17 октября 1905 г. наконец-то предоставил населению возможность на основе выборов формировать представительные органы власти, прежде всего в виде Государственной Думы. Была отменена цензура. Самостоятельность университетов была столь велика, что полицейские даже не смели входить в университетские помещения.

В учебниках истории советского времени приводился стишок:

Царь испугался, издал манифест,
Мертвым свобода, живых под арест.

Но именно так воспринимала происшедшее левонастроенная часть интеллигенции, прежде всего примыкавшая к большевикам. И именно так большевики отнеслись к исторической по своей сути возможности развивать демократические преобразования легальным путем.

Это проявилось в ходе выборов в I Государственную Думу. Большевики призвали бойкотировать выборы, рассчитывая, что Россию ждет новый революционный подъем. На первых порах колебались и меньшевики, но затем, когда проходили выборы в окраинных районах России, они рекомендовали местным социал-демократам принять участие в этих выборах. В результате в июне 1906 г. в I Государственной Думе возникла фракция РСДРП из 18 депутатов, куда вошли грузинские меньшевики и ряд рабочих, баллотировавшихся без указания на свою партийную принадлежность. Кстати, вот одно из объяснений, почему именно грузинские меньшевики сыграли в последующем столь большую роль в деятельности российских меньшевиков.

После роспуска I Государственной Думы состоялись новые выборы. В них приняли участие также и большевики. Но в предвыборной тактике меньшевиков и большевиков наблюдались различия. В ряде крупных городов меньшевики блокировались с конституционными демократами, что, разумеется, не было приемлемым для большевиков. Так или иначе, в объединенной фракции социал-демократов больше половины членов приходилось на долю меньшевиков, а лидером фракции стал 25-летний грузин Иракий Церетели. Этот удивительно яркий человек сыграет в дальнейшем большую роль в становлении российского парламен-

таризма, и именно он от имени меньшевиков произнесет речь на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. перед тем, как большевики разгонят этот представительный орган, о котором демократическая Россия мечтала предшествовавшие десятилетия.

Уже в III Государственной Думе (1907–1910 гг.) так же ярко проявил себя другой грузинский социал-демократ Н.С.Чхеидзе. Он входил в меньшевистскую часть социал-демократической фракции. Такой же заметной была его деятельность уже в IV Государственной Думе, а позже в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, где он был избран председателем (1917 г.).

Различия в политике меньшевиков и большевиков проявились и в такой сложной исторической ситуации, как начало Первой мировой войны. Вначале наблюдалось некоторое совпадение позиций. 26 июля 1914 г. обе социал-демократические фракции в IV Государственной Думе выступили с совместной антивоенной декларацией. В ней указывалось, что ответственность за начавшийся конфликт несут правительства всех воюющих держав, и поэтому о единении народов России с царскими властями не может быть и речи. В момент голосования за военные кредиты все социал-демократы — и меньшевики, и большевики — демонстративно покинули зал заседания Думы. Но дальше наступило время размежеваний. Оно коснулось, прежде всего, самих меньшевиков. Среди них были и «интернационалисты» (Мартов), и «оборонцы» (Потресов), и даже «социал-патриоты», к которым принадлежал, в первую очередь, Плеханов, который к началу войны меньшевиком себя не считал.

Осенью 1915 г., то есть в самый разгар войны, Плеханов, Аксельрод, Алексинский, Дейч и ряд представителей Партии социалистов-революционеров даже опубликовали Манифест, в котором обращались к соотечественникам с такими словами: «Поражение России вредно отразится на интересах трудящегося населения. Если вы всеми силами станете содействовать самозащите нашей страны, то ей и ее союзникам удастся избежать грозящей им страшной опасности...» [3, с. 284–285].

На радикальных позициях стояли большевики, прежде всего Ленин, который в том же 1915 г., но уже на конференции социалистических партий в швейцарском курортном местечке Циммервальде предложил выдвинуть лозунг превращения войны империалистической в гражданскую. Отсюда вытекало и желание поражения в этой войне царского правительства. По принципу — чем хуже, тем лучше для дела революции.

Столь же различны, если не сказать — диаметрально противо-

положны, были позиции меньшевиков и большевиков в ходе Февральской демократической революции, начавшейся 28 февраля (по новому стилю 8 марта) в 1917 г.

Революция, как всегда в России, разразилась неожиданно. Плеханов, Мартов, Ленин в это время находились за рубежом. Выступая перед молодыми швейцарскими социалистами, Ленин, буквально за несколько дней перед началом событий в Петрограде, говорил о том, что им, молодым, возможно, доведется стать свидетелями революции, а «старики» вряд ли доживут. Не был подготовлен к революции политический класс России в целом. Все решалось буквально на ходу и в считанные дни.

Прежде всего, начались интенсивные заседания в Государственной Думе. На четвертый день революции (11 марта) Дума сформировала Временный комитет, заявивший, что берет власть в свои руки до того момента, когда созванное на основе всеобщих выборов Учредительное собрание решит все вопросы будущей российской государственности.

Ситуация осложнялась тем, что за день до этого (10 марта) начал действовать Петроградский Совет рабочих депутатов. Таким образом, сложилось своего рода двоевластие. Из этой ситуации надо было находить выход. Большинство в Совете, принадлежавшее меньшевикам и социалистам-революционерам во главе с председателем Совета меньшевиком Н.С.Чхеидзе, приняло решение в этой связи поручить Временному комитету формирование правительства. Такое правительство было создано. Большинство в нем составляли конституционные демократы, пост министра юстиции был предоставлен социалисту-революционеру А.Ф.Керенскому. На следующий день Николай II отрекся от престола.

А что же большевики? Ленин узнал о событиях в Петрограде лишь в начале марта, когда газеты в Цюрихе сообщили о революции в России. Прочитав одну из этих газет, Ленин в письме И.Арманд заметил: «Коли немцы не врут, так правда». О возникновении в Петрограде Совета он вообще ничего не знал.

Между тем, вернувшиеся из ссылки видные деятели большевиков (в том числе Сталин, Каменев) выдвигали тактику условной поддержки Временного правительства. И лишь когда в Петроград вернулся Ленин и произнес свою речь с броневого вагона Финляндском вокзале, большевики стали придерживаться стратегии перерастания буржуазной революции в социалистическую и передаче всей полноты власти Советам.

Отношение меньшевиков к ленинским тезисам было критическим. Плеханов, занявший в то время самостоятельную пози-

цию, вообще назвал их бредом. Так называлась его статья в газете «Единство», вышедшей в Петрограде «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». («Единство», 1917, 9–12 апреля.)

Плеханов отдавал себе отчет в том, какой великий шанс демократического обновления открывается после Февраля 1917 г. для России. Через десять дней в том же издании было опубликовано совместное заявление Плеханова, Засулич и Дейча. В нем говорилось: «Граждане и гражданки! Отечество в опасности! Не надо гражданской войны. Она погубит нашу молодую свободу. Необходимо соглашение Совета рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством» [2, с. 331].

Примечательно, что Плеханов критиковал не только большевиков, но и меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым, а также меньшевиков Дана и Церетели, поскольку их позиция, определявшая линию Петроградского Совета и меньшевиков, входивших во Временное правительство, представлялась ему недостаточно твердой и страдала уступчивостью по отношению к большевикам. В последней декаде июля 1917 г. сторонники Плеханова объявили себя Всероссийской социал-демократической организацией «Единство» и заявили, что по всем вопросам будут выступать совершенно самостоятельно.

Для понимания роли Плеханова в этот период представляется весьма содержательной оценка, которую дал С.В.Тютюкин в своей уже упомянутой монографии: «Плеханов стремится к синтезу национально-патриотических и социалистических идей, пытается выступить сразу в двух ипостасях — революционера и государственного мужа, защитника интересов пролетариата и представителя широко понятых интересов общественного прогресса. При этом патриот и государственный, в конечном счете, берут в нем верх над социалистом и революционером в их традиционно марксистском понимании, что дает критикам слева обвинять его в социал-шовинизме и социал-реформизме. В накаленной политической обстановке России 1917 г. идеи Плеханова настолько обгоняли свое время, настолько контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев российского общества и их низкой политической культурой, настолько не вписывались в анархо-бунтарские, грубо-уравнительные настроения широких народных масс, что его политическое одиночество становилось неизбежным, а сам он превращался в глубоко трагическую фигуру отечественной истории» [2, с. 335].

Между тем большевики продолжали готовить восстание и уже в июле 1917 г. совершили попытку государственного перево-

рота. Днем 3 июля экстремистски настроенная часть петроградских большевиков вывела на улицы города солдат и матросов. Предполагалось, что демонстрация перерастет в восстание. Но в последний момент было решено ограничиться лозунгом «Вся власть Советам». Начались столкновения между ультралевыми и ультраправыми, сопровождавшиеся перестрелкой. События продолжались, и 4 июля. Петроград был на грани гражданской войны. Плеханов оценил происшедшее как большевистскую авантюру. Особенно досталось Ленину: «Слишком много жестокого, быть может, совершенно непоправимого вреда принес этот человек России», — писал он 11 июля, то есть через неделю после июльского путча.

Временное правительство начинает розыск Ленина. Он скрывается на станции Разлив в шалаше. В своей работе, названной им «Государство и революция», он набрасывает план преобразований в России после прихода к власти большевиков. Сегодня это выглядит как примитивное переписывание марксистских положений из «Критики Гутской программы». Однако на первых порах большевики с большим усердием принялись претворять их в жизнь после Октября 1917 г. в виде политики «военного коммунизма».

Само Временное правительство все больше начинает «леветь». 24 июля создается второе коалиционное правительство. Его возглавляет А.Ф.Керенский, к тому времени «трудовик». Меньшевики также принимают в нем участие. Одновременно они продолжают входить в состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С учетом всего этого, следует заметить, что двоевластие было для социал-демократов трудным испытанием. С одной стороны, они не могли не понимать, что общество в такой сложный период нуждается в единой легитимной власти, отражающей интересы всех слоев населения. С другой стороны, революционная атмосфера выносит их на уровень Советов, где они занимают ведущие посты в крупнейших городах России, и прежде всего в Петрограде и Москве.

Примечательно, что примерно с такой же ситуацией столкнулись германские социал-демократы после Ноябрьской революции 1918 г. В ходе революции был создан так называемый Совет народных уполномоченных. В него входили по три представителя от СДПГ-большинства и отколовшейся от нее Независимой социал-демократической партии. Революционное правительство многое сделало для выхода страны из кризиса. Но оно считало себя временным органом переходного периода. С назначением выборов в Национальное собрание оно тем самым заявило о своей

приверженности идее народного парламента, в то время как революционная группа «Спартак», на базе которой чуть позднее возникла Коммунистическая партия Германии, выдвигала лозунг «Вся власть Советам». Многие зависело от Всегерманского съезда рабочих и солдатских Советов, который проходил с 16 по 20 декабря 1918 г. в Берлине. 334 голосами против 98 представители рабочих и солдатских депутатов отвергли предложенную идею социалистической республики на базе Советов. Так была решена судьба Ваймарской республики, которая прекратила свое существование в 1933 г. после легального — на основе выборов — прихода партии Гитлера к власти [4, с. 86–87].

Как мы знаем, в России все сложилось по-иному. Г.В.Плеханов фактически поддерживал линию на формирование парламентской системы и сотрудничество всех основных классов. Он писал в газете «Единство» 16 июля 1917 г.: «Россия находится теперь в том переходном периоде своей экономической истории, в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил». 9 августа 1917 г. в газете «Единство» он вновь обращается к той же теме: «Лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата явится система широких социальных реформ, выработанная путем всесторонне обдуманного соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией» [2, с. 345].

Иную позицию занял Ю.О.Мартов. На объединительном съезде СДРП(о), открывшемся 19 августа 1917 г., Мартов отрицательно отнесся к участию социалистов в коалиционном правительстве. Его аргументация — Советы тем самым лишались своей власти, а курс правительства вел к победе контрреволюции. Дословно: «та политика, которую вело большинство меньшевистской партии до сих пор, представляется от начала до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стороны марксизма» [5, с. 274].

Между тем большевики стали захватывать большинство в Советах, с большим сомнением вошли в Демократическое совещание, а затем вышли из созданного им предпарламента, то есть из учреждения, призванного цивилизованным путем готовиться к проведению выборов в Учредительное собрание, на котором и должна была быть окончательно решена судьба российской государственности.

Примечателен следующий эпизод принципиальной важности. 24 октября 1917 г., когда большевики уже начали антигосу-

дарственный переворот, в первом часу дня открылось заседание предпарламента. А.Ф.Керенский потребовал от конституционных демократов и других демократов доверия и полномочий для прекращения переворота. Как на это реагируют меньшевики? На заседании фракции меньшевиков и социалистов-революционеров предлагается резолюция, в которой констатируется, что «движение большевиков вызвано политикой правительства», то есть фактически оправдывает их. И что же в таком случае надо делать? Мартов, который представлял радикальное интернационалистское меньшинство, предлагает создать общественное спасения и поручить ему улаживание конфликта политическими мерами, то есть уговорить большевиков прекратить свои путчистские действия. Дело близится к вечеру, страсти накаляются. Керенский требует дать ему полномочия для решительных действий. Левые фракции ему в этом отказывают. На следующий день Россия уже вступила в длительную фазу господства большевиков, которое продлилось семь с лишним десятилетий.

Эти отдельные штрихи к деятельности различных фракций меньшевиков воспроизведены с одной целью — по возможности учесть уроки прошлого. Большевики не просто захватили власть вопреки воле народа. Их лозунги поддержала беднейшая часть населения, и в первую очередь солдатские массы, силой обстоятельств оказавшиеся в главных очагах революционных событий. Эти отчаявшиеся массы не видели проку от демократии, они желали решительных действий, и большевики как бы осуществили их пожелания. Те самые пожелания, которые являются выражением конфронтационной культуры. Такая культура складывалась в российской истории столетиями и стала глубинной основой национальной психологии. Эта психология дает о себе знать по сей день, и современные российские социал-демократы просто обязаны учитывать это обстоятельство.

У меньшевиков была довольно узкая социальная база со своими отличительными признаками. Учтем при этом мнение специалиста. С.В.Гютюкин пишет: «Многие годы одной из аксиом марксистской историографии был тезис о том, что главной опорой меньшевизма в пролетарском движении являлась рабочая аристократия — тончайший привилегированный слой высококвалифицированных, хорошо оплачиваемых и реформистски настроенных рабочих, которые стояли как бы на границе между пролетариатом и мелкой буржуазией. Однако нужно учитывать, что тенденция к реформированию рабочей аристократии так и осталась к 1917 г. до конца нереализованной, причем верхушка российского пролетариата тянулась не столько к меньшевикам,

сколько к монархистам. Тем не менее очевидно, что меньшевики опирались в рабочей среде в основном на квалифицированных, культурных, политически сознательных пролетариев, не приемлющих большевистского максимализма и экстремизма, но достаточно четко ориентированных на идеалы демократии и социализма и на более цивилизованные (разумеется, по российским меркам) методы борьбы за их достижение» [2, с. 222].

И еще один вывод. Сторонники большевизма в своей основной массе были выходцами из деревни. Для них социальная справедливость формировалась в условиях общины с ее уравнительной нарезкой земли «по едокам». Большевистские лозунги экспроприации, в том числе выраженные в примитивном лозунге «грабь награбленное», воспринимались этими людьми как естественное выражение принципа социальной справедливости. Склонность к конфронтационной культуре в сочетании с уравнительным подходом к социальной справедливости в гротесковом виде выражается сегодня в демонстрациях «анпиловских старушек». Социал-демократический подход к пониманию социальной справедливости и способам разрешения конфликтов неприемлем ни для этих людей, ни для более широких слоев населения, сохранивших в себе черты традиционной российской ментальности, вовсе не смягченной политическим режимом большевизма.

ОТ КОММУНИСТОВ К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ

После прихода большевиков к власти неприятие меньшевистской политической культуры еще более усилилось, ибо меньшевики самим фактом своего существования мешали осуществлять массовые кампании экспроприации, репрессий и террора. Точно так же мешали своими критическими замечаниями и зарубежные социал-демократы — от Карла Каутского до Розы Люксембург. Уже в 1918 г. Ленин отвечает на такую критику в самой грубой форме, называет в своей известной работе крупнейшего теоретика межвоенной социал-демократии Каутского «ренегатом». Еще дальше идет Сталин. Для него социал-демократы — это «социал-фашисты». И такое клеймо они носили до середины 30-х годов, когда встал вопрос о возможности единства действий коммунистов и социал-демократов против фашизма. Но и позднее в коммунистической пропаганде социал-демократы рассматривались как «предатели интересов рабочего класса». И так почти до середины 80-х годов, когда началась Перестройка.

И все же жизнь вынуждала большевиков двигаться в сторону

социал-демократических подходов, за исключением периода, когда в стране господствовала диктатура Сталина. При Ленине — это оживление, хотя и вынужденное, рыночной экономики под контролем государства, названное Новой экономической политикой (которая, кстати, переключается с послеоктябрьской платформой меньшевистской РСДРП «Что делать?»). При Хрущеве — это публичная критика Сталина. Далее происходит поворот от непримиримой классовой борьбы к мирному сосуществованию двух общественно-политических систем, а позднее — отказ от узкоклассового подхода к сути государственной власти и выдвижение концепции общенародного государства. В 1975 г. в Хельсинки СССР подписывает декларацию, в которой одним из главных критериев в международных отношениях является соблюдение прав человека. Наконец, возникла ситуация, когда последний по счету Генеральный секретарь партии в своих речах произносит слово «консенсус». Люди старшего поколения хорошо помнят, когда в большевистских текстах слово «гуманизм» непременно шло с добавлением «буржуазный», или «гнилой», то есть не наш. В моде было другое выражение — «добро с кулаками». А тут еще более неприемлемое понятие — консенсус, как необходимость достижения согласия на разных уровнях и между разными социальными группами. Именно то, что лежит в основе политической культуры социал-демократии.

С конца 60-х годов в руководстве КПСС, а точнее в отделах ЦК, возрос интерес к теории и практике социал-демократии. Одна из внешних причин — в 1969 г. к власти в ФРГ, то есть в одной из крупнейших капиталистических стран мира, пришли социал-демократы во главе с Вилли Брандтом. Хочешь не хочешь, а на межгосударственном уровне с ним пришлось иметь дело. Тем более что от Брандта шли инициативы по урегулированию проблем, не решенных еще с конца Второй мировой войны, и в первую очередь территориальных. Возникла потребность более основательно разбираться в том, чего хотят эти социал-демократы, почему им народ оказал доверие на выборах и почему вообще социал-демократам удастся способствовать повышению уровня жизни трудящегося населения.

В ИНИОН, где я работаю по сей день, из Международного отдела ЦК пошли заказы на информацию по социал-демократии. В свою очередь, созданный в Институте Сектор проблем международной социал-демократии также проявил инициативу. Одним словом, в 70-е и 80-е годы партийные функционеры в СССР, в том числе на уровне обкомов, но и также ученые-обществоведы имели возможность познакомиться с опубликованными на русском

языке программами ведущих социал-демократических партий Западной Европы, с биографиями видных деятелей социал-демократии, с литературой о социал-демократии как самих социал-демократических авторов, так и их критиков — справа и слева. Могу свидетельствовать — наше усердие в общем-то официально не поощрялось, но ни разу сверху не последовал хотя бы телефонный звонок директору института с намеком — не слишком ли вы там, в ИНИОН, усердствуете.

Если учесть, что в это же время развернулась серьезная исследовательская работа в Институте международного рабочего движения (группа ученых под руководством А.А.Галкина), в Институте мировой экономики и международных отношений (группа ученых под руководством Г.Г.Дилигенского), в ряде других научных учреждений, то можно предположить, что это разрастающееся научно-информационное поле, связанное с социал-демократической тематикой, косвенно влияло на формирование и развитие реформистских настроений в КПСС, причем в ее различных эшелонах.

Два обстоятельства, на мой взгляд, повлияли на ускорение этого процесса. Первый — вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г. И дело было не только в аморальности самого поступка. Эта акция выявила неспособность сторонников догматического марксистско-ленинского направления аргументированно отстаивать свою точку зрения в противовес тем поискам, которые велись интеллектуальными кругами Чехословакии в попытках вывести идеи социализма на гуманистический и философский уровень, сделать этот общественный строй привлекательным для людей, создать в обществе возможности для проявления самых разных взглядов, где-то ориентируясь на известное высказывание Розы Люксембург «Социализм — это свобода инакомыслия».

В это время я работал в «Известиях», в международном отделе. Имея возможность просматривать поток информации, связанный с чехословацкими делами, я отмечал про себя, с какой ненавистью произносят в своих статьях наши партийные ортодоксы это препротивное слово «плюрализм». И, оказавшись неспособными сказать что-то убедительное в противовес попыткам создать модель социализма с человеческим лицом (откуда, на мой взгляд, был прямой путь в социал-демократию), не придумали ничего лучшего, как расценить происходящее в Чехословакии как намерение реставрировать старый капиталистический строй при поддержке западных спецслужб.

После возвращения из Чехословакии, когда я отказался осве-

щать происходившее там в заданном пропагандистском духе, меня принял главный редактор «Известий» Лев Николаевич Толкунов. Услышав мои впечатления о том, что я видел в Праге, он как бы про себя сказал: «Понимаешь, наверное, сейчас мы тактически проигрываем, если иметь в виду реакцию в странах Запада, да и у нас тоже. Но стратегически выигрываем». «Мне кажется, как раз все наоборот, — заметил я. — Тактически мы, может, и выигрываем, оккупировав страну и прекратив нежелательный нам процесс, а вот стратегически проигрываем, окончательно скомпрометировав саму идею социализма». Я и сейчас так думаю. Нам, то есть всем социалистическим странам, в те времена следовало бы двигаться в том же направлении, что и коммунисты Чехословакии, Венгрии, совершая относительно мягкий переход к социал-демократической модели, с сохранением тех пусть скромных, но важных для людей завоеваний в социальной области (образование, здравоохранение).

Через 17 лет после разгрома пражских реформаторов, с началом Перестройки мы тоже начали было поворот в этом направлении, но по целому ряду причин оказались в странном политическом режиме, когда часть партийной номенклатуры приступила к формированию рыночной экономики по шоково-административному рецепту, что привело к обнищанию большинства населения и созданию узкой прослойки сверхбогатых людей.

Но вернемся к анализу процессов социал-демократизации, которые протекали подспудно в КПСС еще задолго до чехословацких событий. Георгий Шахназаров — человек, который имел возможность видеть партийную кухню в самых верхах на протяжении десятилетий — так затрагивает эту тему в своих итоговых воспоминаниях: «Уже тогда, в 60-х, я пришел к твердому убеждению, что строй наш уродлив, его надо кардинально менять, а партию преобразовать из коммунистической в социал-демократическую, причем не переименованием, не сменой вывески — глубоким внутренним обновлением. К такому же выводу пришли многие, в нем кредо «шестидесятничества». У нас — это важно понять — не было помысла изменять партии, было желание **изменить ее**» (выделено Г.Х.Шахназаровым [6, с. 420]).

И в другом месте: «Как ни удерживали вожди партию от «социал-демократической заразы», она все-таки проникла в ее ряды. И с началом перестройки вопрос стоял так: отделить «еретиков» или постараться переубедить своих ортодоксально мыслящих товарищей и повести всю партию по пути обновления? Нечего говорить, насколько предпочтительней был второй вариант. Горбачев избрал его, долго пытался реализовать и потерпел пораже-

ние. Слишком поздно он расстался с надеждой реформировать партию и пришел к выводу, который в свое время без колебаний сделал Ленин: «Сначала надо размежеваться» [6, с. 420–421].

Ссылка Г.Х.Шахназарова на Ленина не представляется в данном конкретном случае убедительной. Ведь Ленин «размежевался» как раз с той частью РСДРП, которая шла меньшевистским путем. Но сама постановка вопроса с позиций сегодняшнего дня представляется вполне оправданной. Между «ортодоксами» (а точнее сталинистами-догматиками) и реформаторами компромисса быть не могло, хотя как раз социал-демократия при всех обстоятельствах в других странах предпочитала именно метод компромисса.

Эту тему затронул А.Н.Яковлев в своем документе «По поводу «пакта» о стратегическом компромиссе» (15 мая 1996 г.). Он, в частности, писал: «Я тоже за компромиссы. Без них нет нормальной жизни. Но компромисс компромиссу рознь. Благородный Георгий Плеханов долго искал компромисса с Ульяновым-Лениным, но так и умер оплеванным. Александр Керенский пошел на компромисс с ним же против генерала Лавра Корнилова. И что стало с Керенским? Николай Бухарин тоже пытался найти компромисс с Иосифом Джугашвили и нашел его в застенках НКВД. Михаил Горбачев искал компромисс с Крючковым — одним из организаторов венгерской бойни, паханом государственного переворота августа 91 года. Чем кончился этот компромисс? Устранением Горбачева от власти» [7, с. 445].

Сам А.Н.Яковлев, осознавая эти обстоятельства, в личном письме М.С.Горбачеву, написанном в марте-апреле 1991 г., так излагал свою позицию: «Необходимо размежевание с реакцией в КПСС вплоть до организационного. Нужен «Гражданский фронт обновления». Фронт не номинальный, не декоративный, а действующий. Возможен вариант и новой партии» [7, с. 296].

Это письмо А.Н.Яковлева появилось в обстановке, когда в самой КПСС уже действовало в открытую реформаторское движение, а параллельно с ним в стране развертывалось неформальное демократическое движение, в том числе и социал-демократической ориентации, которое будет рассмотрено ниже.

Как отмечает один из активных деятелей демократического движения в КПСС Владимир Лысенко, «реформистское движение в КПСС родилось снизу из глубин Коммунистической партии, сначала в центре, в Москве, а затем и во многих городах Советского Союза. За два года (1989–1991 гг. — *Б.О.*) это движение стало самым массовым и сильным изо всех новых политических структур последнего десятилетия» [8, с. 6].

Об этом, в частности, свидетельствует создание в Москве Партиклуба уже в начале лета 1989 г. Во втором выпуске «Вестника Московского партиклуба» (июль 1989 г.), отпечатанном на машинке и с иллюстрациями, нарисованными шариковой авторучкой, помещено следующее заявление: «Мы, коммунисты, ставящие перед собой цель самой широкой демократизации нашей партии и считающие, что ее необходимо осуществить в самые кратчайшие сроки, для чего уже в этом году следует созвать внеочередной съезд партии, объявляем о создании Московского партиклуба» [9, с. 3]. В «Вестнике» сообщалось, что в рамках клуба оформились социал-демократическая и коммунистическая секции. Помещены материалы XVIII конгресса Социалистического Интернационала, предоставленные Социал-демократической федерацией Эстонии. Помещена статья Владимира Кардаильского «Социал-демократическая альтернатива в КПСС». В статье, в частности, рассматривалась особенность социал-демократии: «Своеобразие ситуации с новой идеологией социал-демократизма заключается в том, что она складывается как бы вне официальной епархии партии. В огромном спектре нынешних мировоззрений, предопределенном всеми особенностями экономического, социально-политического и культурного развития СССР, социал-демократизм способен сыграть решающую роль в силу плюралистичности своего характера, большей терпимости и желания учесть разные, зачастую прямо противоположные интересы. Носителями этой идеологии выступают те слои, которые заинтересованы в ликвидации негативных последствий периодов культа личности и застоя — в сфере экономики и качества жизни (прежде всего), в становлении гражданского общества, в соблюдении и защите прав человека, в расширении гражданских свобод до уровня, обеспечивающего раскрытие возможностей каждого» [9, с. 61].

Так размышляли коммунисты в низовых организациях, ожидая, что их инициативы будут поддержаны в партийных верхах. Между тем накануне XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.) в рамках партии сформировалось несколько групп прямо или окологруппной ориентации (Демократическое единство, Марксистская платформа). Но самой влиятельной из них была Демократическая платформа. Как полагает В.Н.Лысенко, ее идейно поддерживало свыше 40% членов КПСС (по социологическим опросам, проведенным Высшей партийной школой). Если учесть, что в партии в то время насчитывалось 17 млн. членов, то это более 6 млн. человек. Однако на самом XXVIII съезде — то есть последнем съезде КПСС — Демократическую платформу представляло всего 150 человек из почти пяти тысяч делегатов.

Еще раньше эта борьба развернулась на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 5–7 февраля 1990 г. Выступивший на нем А.Н.Яковлев поддержал проект Платформы. Его аргументация: «Если внимательно вчитаться в него — это серьезное продвижение в понимании принципов и норм нашего социалистического общежития. На самом деле по-новому поставлены вопросы о свободе человека, свободе творчества и слова, о собственности и товарно-денежных отношениях, о рынке, новых производственных отношениях на селе и переустройстве деревни как приоритете политики на ближайшие годы, о трудовой собственности, политическом плюрализме, новом понимании роли партии в обществе, изменении структур власти, о проблемах самоуправления. Я поддерживаю эти предложения» [7, с. 259].

Нетрудно заметить, что перечисленные темы весьма близки к социал-демократической программатике левой ориентации. Еще ближе оказались суждения А.Н. Яковлева к социал-демократическому пониманию характера деятельности партии как таковой: «Здесь говорилось, что проект Платформы делали одновременно как бы левая и правая рука. Я бы поставил это не в минус, а в плюс документу. В нем нащупана та политическая равнодействующая, на которой возможно создание здорового политического центра партии, заложены возможности для взаимного согласия и сотрудничества всех сил внутри КПСС, а также со всеми перестроечными силами и движениями в обществе» [7, с. 260]. Запомним это суждение, когда станем размышлять о перспективах социал-демократической партии в России.

Как явствует из работы В.Н.Лысенко, уже на XXVIII съезде представители Демократической платформы предложили реформировать КПСС в социал-демократическую партию парламентского типа, а фактически — расколоть Компартию на реформистскую и консервативную части» [8, с. 7]. Реформистская часть руководства КПСС колебалась, пишет В.Н.Лысенко, в том числе и по той причине, что вместе с Демократической платформой она не получит поддержки большинства делегатов съезда.

Историки еще долго будут спорить, был ли реален шанс раскола партии и поворота его значительной части в сторону социал-демократии в июле 1990 г. на XXVIII съезде КПСС (заметим, что в мае 1990 г. уже прошел учредительный съезд СДПР), было ли готово к этому общество. Но очевидно и то обстоятельство, что в ходе стремительных событий необходимость создания социал-демократической партии все больше осознавалась в самой КПСС, и предполагалось, что на следующем съезде такой шаг будет осуществлен. В беседе с Борисом Славным М.С.Горбачев так

охарактеризовал складывавшуюся тогда ситуацию: «Готовившаяся новая программа партии носила, по сути дела, социал-демократический характер. Она была одобрена на пленуме в июле 1991 года. Мы думали провести съезд в ноябре и размежеваться с различными партийными течениями, возникшими в КПСС. Тогда с необходимостью возникли бы коммунистическая партия, социал-демократическая, либеральная. Это был бы нормальный процесс» [10, с. 31].

Как известно, этот процесс был перечеркнут августовскими событиями 1991 г. Развитие в направлении к становлению социал-демократической партии на базе многомиллионной коммунистической партии, созревшей к реформам, было пресечено путчем. Августовским путчем. Как, впрочем, и путчем большевиков в Октябре 1917 г. История повторилась, но, увы, не как фарс.

ИНИЦИАТИВЫ, ИДУЩИЕ СНИЗУ

Перестройка пробудила советское общество от летаргического сна, в котором оно пребывало десятилетиями, если не считать деятельности отдельных диссидентских групп. Это коснулось прежде всего крупных городов, в которых вначале создавались политические клубы и уже на их базе политические партии.

Один из таких клубов — «Демократическая перестройка» [11] — возник в Москве в феврале 1987 г. Его ядром стала группа научных работников Центрального экономико-математического института и Института экономики мировой социалистической системы. Так что сошлись «физики» (в смысле математики) и «лирики» (ученые социально-политических и экономических дисциплин). Сотрудники ИНИОН тоже были частыми гостями этого клуба. Лично я имел возможность выступать с докладами о европейской политической системе и, разумеется, о европейской социал-демократии. Помню, на одной из таких встреч мы заспорили о судьбах социал-демократии вообще и в Советском Союзе в частности с еще только обретавшим известность в роли политолога Андраником Миграняном. Мигранян ставил под сомнение возможность появления социал-демократической партии в нашей стране, я же придерживался иного мнения, ссылаясь также и на деятельность самого клуба. Уже в феврале 1987 г. в клубе «Демократическая перестройка» встал вопрос о создании социал-демократической партии. Как пишет один из активных членов Московской организации СДПР в момент ее создания В.Е.Лызов, к весне 1989 г. клубы и группы социально-демократического направления действовали в Ленинграде, Самаре, Симбирске, Челя-

бинске, Киеве, Махачкале, Таллинне, Минске, ряде других городов. 20–21 мая 1989 г. состоялось рабочее совещание представителей этих клубов. На совещании был обсужден и принят ряд документов, среди них Декларация о намерениях «О курсе на создание социал-демократической ассоциации» [12].

В начале июля 1989 г. в ИНИОН ко мне обратился сотрудник нашего института Леонид Борисович Волков с вопросом, не смог бы я прочитать ряд лекций в Школе молодых социал-демократов, которая будет проходить в эстонской столице с 10 по 15 июля. Я согласился и уже через неделю прибыл в Таллинн, где в помещении клуба таксомоторного парка вместе с другими, прежде всего с Солтаном Сафарбиевичем Дзарасовым, читал эти лекции молодым людям, приехавшим из разных городов Советского Союза.

Тем временем шла подготовительная работа к созданию «Социал-демократической ассоциации». СДА была провозглашена на заседании 11 июля 1989 г. Можно считать, что именно этот день является в организационном плане точкой отсчета деятельности новой социал-демократии в СССР, а затем в России. Мне хотелось бы в этой связи отметить активную посредническую роль эстонских социал-демократов, и среди них в первую очередь Велло Саатпалу – типичного профсоюзного деятеля, немногословного и вместе с тем доброжелательного, быстро решавшего возникавшие трудности.

Именно в Эстонии, как мне представляется, создавалась наиболее благоприятная атмосфера для деятельности социал-демократии. В Таллинне я смог опубликовать свои статьи с разъяснением позиций социал-демократии, и среди них, как мне представляется, полезную работу под названием «Нам нужен свой Годесберг». В ней рассказывалось, как решительно пересмотрели свои позиции германские социал-демократы на съезде в Бад-Годесберге в 1959 г., и содержался призыв к советским коммунистам встать на такие же решительные позиции.

Надо сказать, что в 1989 и 1990 гг. я все еще оставался в рядах КПСС (мой партийный стаж с 1960 г.), надеясь, что именно реформаторская часть партии повернет в сторону социал-демократии. Вышел я из КПСС 21 августа 1991 г., когда уже было ясно, что на поворот части КПСС к социал-демократии рассчитывать не приходилось. Видимо, сыграла свою роль и сама дата – 21 августа – как один из поворотных моментов в моей жизни.

Между тем 13 и 14 января 1990 г. состоялся Учредительный съезд Социал-демократической ассоциации. На съезде присутствовало около 130 делегатов из 70 клубов и других организаций.

Было много гостей – 10 депутатов Верховного Совета СССР, 20 представителей социал-демократических зарубежных организаций, пресса, телевидение, 60 наблюдателей от различных политических сил и движений [12, с. 5]. Словом, казалось, существовали все предпосылки для того, чтобы социал-демократическое движение развернулось в стране ускоренными темпами.

Но дальше начался некоторый сбой. Как мне позже рассказывали, предполагалось, что Ассоциацию возглавит или, во всяком случае, войдет в состав руководства Юрий Николаевич Афанасьев – известный историк, публицист, член Межрегиональной депутатской группы. Он выступил после официального открытия съезда первым и, в частности, сказал следующее: «Мне предстоит прежде всего определить свое отношение к КПСС, и только затем решать, быть ли мне в социал-демократической ассоциации в качестве члена КПСС – я считаю вхождение в ассоциацию членов разных партий вполне допустимым и нормальным – или же на иных условиях.

Разумеется, в той КПСС, какой она является сегодня, я состоять не намерен. Но мне не безразлично ее будущее. Во-первых, потому, что я в ней уже почти 30 лет: во-вторых, потому, что для многих, думаю что для миллионов, пока вопрос об отношении к КПСС в новых условиях нашего обновления остается открытым.

Поэтому мне хотелось бы сегодня, когда для многих встает вопрос о выборе пути и в связи с учреждением ассоциации, порассуждать о том, какой я вижу КПСС. Для меня этот вопрос и перспективы социал-демократии в СССР представляются тесно увязанными между собой» [13, с. 5].

Далее Ю.Н.Афанасьев изложил свое понимание новой партии: все члены партии равны между собой, резко сокращается партийный аппарат, никакой «руководящей роли», программа партии – «демократический социализм» по типу венгерского или шведского; в партии существует идеологический плюрализм, название партии – Партия демократического социализма.

С политическим докладом «Новый этап реформы и задачи социал-демократии» выступил Олег Германович Румянцев – представитель молодого поколения, энергичный, целеустремленный. В то время он был сопредседателем московского клуба «Демократическая перестройка», позднее, будучи избранным в Верховный Совет Российской Федерации, он станет Ответственным секретарем Комиссии по выработке новой конституции.

Доклад О.Румянцева носил оппозиционный характер по отношению к существующему политическому режиму. Один из разделов доклада так и назывался «Конструктивная оппози-

ция». «Главное, чего так и не создало руководство страны, — указывалось в докладе, — оно не создало гарантий для свободы. Свободы изъятия воли, проявления инициативы в экономике, политике, культуре. Да, робкие альтернативы появились — в виде планов и благих пожеланий. Но среды для их претворения нет и по сей день. Система по-прежнему держится на многочисленных табу».

Критика Румянцева в адрес Перестройки: «Перестройка серьезно отстает по темпам и глубине от преобразований, кипящих в лагере социализма. Знаменатель демократических потрясений последнего времени — полный коллапс однопартийных диктатур. На огромных пространствах — от Эстонии до Румынии, от Померании до Тибета — рушатся идеологические мифы, устраняются авантюрные рудименты партийно-репрессивных органов. Народы выбирают проверенные мировой цивилизацией нормы: парламентарную демократию, многопартийность, регулируемый рынок» [13, с. 18].

При этом «СДА попробует занять пустующую нишу левого центра. Опыт братских стран показывает: левый центр не столько позиция противовеса, сколько полюс роста блока национального согласия» [13, с. 18].

В докладе Румянцева была обозначена социальная база новой политической партии. «Мы политическая организация людей труда, реализующих свой созидательный потенциал на пользу общества. Ибо труд это не только добыча угля, но и усилия цивилизованного предпринимателя, и искания неформала, и хлопоты домохозяйки, воспитывающей детей. Простые люди как раз и составляют средний класс, основу нашего электората» [13, с. 21].

И далее: «Демократия черпает силы в политической культуре общества. Вот почему мы ориентированы на культурные слои, независимо от социального происхождения людей... Мощный приток сторонников нам может дать и КПСС, коли честные реформаторы решат пойти дальше движения за демократическую платформу в партии, отмежуются от ее исторического прошлого и организационно-идейного настоящего» [13, с. 22]. В докладе содержался также призыв к «новому предпринимательству»: «Мы считаем важным поощрять мелких и средних хозяев: без цивилизованного буржуа не будет полноценного гражданского общества» [13, с. 22].

Свой доклад О.Румянцев закончил в спортивной лексике: «Мы вступаем в серьезную игру. Ставка высока — освобождение общества» [13, с. 22].

На съезде была распространена «Экономическая программа демократического социализма», составленная С.С.Дзарасовым.

В документе выражалась тревога по поводу того, что «судьба экономической реформы по-прежнему вручается в руки коррумпированного аппарата, преследующего собственные карьеристские цели и потому не заинтересованного и неспособного ее проводить». Что же предлагалось в документе? «Переход к рыночной экономике может быть осуществлен не путем провозглашения и априорного описания различных форм собственности, как предполагается в правительственной программе, а путем обеспечения равных возможностей государственным, кооперативным и частным предприятиям, конкуренции между ними за привлечение рабочей силы и удовлетворение потребностей населения, а также привлечением иностранного капитала. В тех пределах, в каких частная собственность предлагается нами, нет никаких оснований ее опасаться. Наоборот, она будет развивать свободное предпринимательство граждан и подстегивать совершенствование государственной собственности» [13, с. 25].

Съезд принял Декларацию принципов СДА, Устав, резолюции по отдельным вопросам. Были созданы 6 постоянных комиссий, председатели которых вошли в Исполнительный комитет СДА, состоявший из 15 членов. Сопредседателями СДА были избраны Олег Румянцев, Николай Тутов — депутат Верховного Совета СССР (Оренбург) и Велло Саатпалу — председатель Демократической партии труда Эстонии.

В последний день конференции выступил представитель грузинских социал-демократов Гурам Мучаидзе. Он резонно заметил: раз мы будем развивать деятельность на конфедеративной основе, то кто будет представлять социал-демократов России? Где их партия? Так был дан импульс к созданию, а точнее к воссозданию Социал-демократической партии России. В тот же день, 14 января 1990 г. собрались представители ряда организаций РСФСР и заявили о намерении создать Социал-демократическую партию Российской Федерации (СДПРФ). Организационный комитет Учредительного съезда приступил к подготовительной работе. Предполагалось, что съезд пройдет в Ленинграде. Но на заседании Оргкомитета 15 апреля 1990 г. ленинградские социал-демократы заявили, что не готовы принять делегатов съезда. Было принято решение перенести проведение съезда в Москву.

4 мая 1990 г. съезд открылся в конференц-зале Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся. Открыл съезд активный деятель перестроечных времен Илья Заславский. Мне довелось принимать участие в этом съезде в качестве приглашенного гостя, и могу свидетельствовать, что настроение участников съезда было приподнятым, связанным с большими ожиданиями.

Возрождалась российская социал-демократия после 70 лет гонений и пребывания в эмиграции.

В работе съезда приняло участие 238 делегатов из 104 местных организаций, представлявших 92 города России. Было много гостей, среди них представители социал-демократических партий Украины, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии, Узбекистана и Киргизии. Присутствовали и представители социал-демократических партий стран Европы и Азии. Словом, это был представительный съезд, и он мог бы стать хорошим стартом для нарастания социал-демократического движения в стране [14].

Три дня продолжался съезд. На нем было заслушано 4 доклада — О.Румянцева, Л.Волкова, С.Дзарасова, А.Оболенского. Того самого, который на заседании Верховного Совета СССР при избрании Председателя Верховного Совета СССР предложил свою альтернативную кандидатуру М.С.Горбачеву. Тем самым впервые был создан прецедент реальных, а не мнимых выборов.

Съезд принял Устав партии и избрал Правление из 40 человек. Решено было соблюдать коллегиальный принцип руководства. Члены президиума П.М.Кудюкин, А.М.Оболенский и О.Г.Румянцев и образовали своего рода руководящую «тройку». Павел Михайлович Кудюкин в какой-то степени представлял диссидентское движение, в свое время он был арестован за нелегальное издание рукописных журналов. Он участвовал в издании альманаха «Варианты» вместе с А.Фадиным, Ю.Хавкиным, В.Чернецким и М.Ривкиным и журнала «Левый поворот» (с № 3–4 — «Социализм и будущее») с Б.Кагарлицким. Позднее по рекомендации СДПР он стал заместителем министра труда в первом правительстве, сформированном Б.Н.Ельциным. Точно так же именно руководство СДПР рекомендовало на пост первого министра труда А.Н.Шохина.

Затем наступили социал-демократические будни. Одновременно началась работа Программной комиссии, куда был включен и я, не являясь еще членом партии. На II съезде, состоявшемся 25–28 октября 1990 г. в Свердловске, обсуждалось несколько проектов программы. Было много жарких споров, наконец остановились на проекте, предложенном Правлением СДПР и ленинградской делегацией.

Окончательно программа была принята на III съезде, который состоялся в июне 1991 г. в Ленинграде. На этом съезде присутствовал и я как знаток программной деятельности социал-демократии.

И вот ведь как бывает в жизни. О какой-либо организационной деятельности я не помышлял, не моя это стихия. И когда в

ходе выборов нового коллективного руководства СДПР Л.Б.Волков предложил и мою кандидатуру, я взял самоотвод. Но тут началась дискуссия. Было решено, что в руководство войдут 5 человек, и меня уговорили дать согласие на избрание, мол, в этом широком составе я буду занят сугубо просветительской, теоретической деятельностью. Затем началось рейтинговое голосование, и оказалось, что более 50% голосов получили лишь О.Румянцев, Л.Волков и я. Так я попал на «руководящую должность». Дело осложнилось тем, что депутатской деятельностью в Верховном Совете Российской Федерации по горло был занят Л.Б.Волков. Еще более был загружен О.Г.Румянцев на посту Ответственного секретаря Конституционной комиссии. Вся организационная работа тем самым легла на меня.

Между тем приближался очередной, четвертый по счету съезд партии. Шел уже 1992 год. Предполагалось, что к концу года пройдут выборы в новый состав Верховного Совета. И как-то так получилось, что меня уговорили согласиться занять пост председателя партии. Я отказывался, ссылаясь на то, что у партии нет своего помещения, и мы ютимся в двух комнатах, которые выделил из помещений своего фонда Тельман Хоренович Гдлян. Нет и финансового обеспечения. Нет денег на оплату секретариата, и были ситуации, когда я ездил в ФРГ, читал несколько лекций и полученные гонорары отдавал на зарплату работникам секретариата. И это при том, что у нас в институте вообще приостановили выплату зарплат.

Меня заверили, что один из моих заместителей будет специально занят только финансами, и что эта проблема как-то решается.

Одним словом, на IV съезде СДПР, состоявшемся в Люберцах, меня избрали председателем, и тут начался самый тяжелый период в моей жизни. Не было средств, начались размолвки в руководстве, мы вступили с О.Румянцевым в публичную дискуссию на страницах «Независимой газеты» об отношении социал-демократии к державности, к патриотизму [15]. И самое неожиданное — Олег Румянцев вдруг создал наряду с партией свой собственный Социал-демократический центр — сначала Московский, затем Общероссийский. При этом часть членов Правления СДПР одновременно входила в Правление Центра. Одним словом, произошел раскол в весьма своеобразном варианте. На очередном Пленуме СДПР я заявил — так дело не пойдет, либо члены Правления остаются в СДПР, либо переходят в Центр. На двух стульях сидеть трудно. Мой ультиматум не приняли, и я подал в отставку.

Оглядываясь назад и анализируя собственные просчеты, я вместе с тем отмечаю про себя: судьба подарила мне как историк-у возможность быть в самой гуще нарождавшейся политической партии со всеми ее особенностями. Это была подлинно демократическая партия. На ее съездах и пленумах делегаты порой часами спорили по поводу процедуры регламента. Точно так же большой спор разгорался при принятии документов. Но это — демократия в ее реальном виде, и приходилось терпеть все эти процедурные тревобления.

Партия была настроена антиноменклатурно, и это нашло отражение в ее программе «Путь прогресса и социальной демократии». Вот оценка происшедшего за годы правления большевиков: «Изначально порочная утопическая цель, поставленная коммунистической партией, заключалась в построении единоукладного общества, тоталитарно управляемой и планируемой «единой фабрики». Она с неизбежностью требовала введения в действие механизмов диктата, организованного насилия и идеологической обработки, обеспечивающих господство нового правящего слоя. Руководящей силой бюрократической системы, карательных органов и пропагандистских учреждений стал парт-аппарат массовой компартии. Власть явилась главной категорией нового типа общества, ее увеличение и укрепление стали основной целью господствующей олигархии. Разрушение гражданского общества, концентрация трудоспособного населения в подконтрольных организованных группах, огосударствление общественной жизни, уничтожение оппозиции позволили ей создать невиданную в истории форму тоталитаризма. Возникла иерархическая система: партийная верхушка во главе бюрократического государства, управляющая социально нивелированным населением, доведенным до положения государственных крепостных или рабов» [16, с. 2].

В другом месте о тоталитаризме: «Тоталитаризм — это смерть человеческого, это тупик социального развития. Можно ли говорить о заслугах тоталитаризма в нашей стране? Мы однозначно отвечаем — нет. Небольшие «достижения», связанные с его господством, были куплены такой ценой, узнав которую, любой нормальный человек в ужасе отшатывается» [16, с. 4].

Что предлагали социал-демократы в своей программе? «Мы не хотим революций. Россия слишком устала от революций. Наш путь — это путь постоянной реформы, соизмеряющейся с болями и заботами конкретного человека, потребностям которого должны быть подчинены все формы общественного бытия. И это делает нас партией последовательного социал-реформизма» [16, с. 11].

В программе рассматриваются три разновидности демократии — политическая, экономическая, социальная. Отдельно затрагивается проблема гармонизации межнациональных отношений, вводится такое понятие, как «социокультурная политика», выделяется раздел «Программа действий», где анализируются особенности переходного периода, ставится вопрос о «цивилизованном рынке труда», о социальной защите граждан.

Особо подчеркивается: «Социал-демократы считают самоценностью и безусловной необходимостью развитие гражданского общества» [16, с. 35].

В 7-м разделе, озаглавленном «Финал», записано следующее: «Мы выходим на российскую политическую арену, не навязывая обществу догматических идеалов, но предлагая возможные пути возвращения в мировую цивилизацию.

Мы готовы нести за будущее России свою долю ответственности и тем самым начать искупление своей вины за десятилетия крови, страха и молчания.

СДПР объединяет людей, стремящихся к творческой самореализации своей личности и обладающих чувством ответственности перед своими близкими, земляками, народами России и остальным миром» [16, с. 48].

Этот документ, набранный убористым шрифтом на 48 страницах, сегодня отнюдь не выглядит устаревшим. Более того, его многие положения остаются актуальными, а вся программа в целом — это небольшое почти научное произведение о природе большевистского тоталитаризма.

К сожалению, документ не был востребован в жизни. После организационной инициативы О.Румянцева по созданию собственного Центра председателем СДПР в мае 1993 г. был избран Анатолий Голов (на момент избрания председателем СДПР он был депутатом Петросовета, затем депутатом Государственной Думы в 1993–1999 гг.); в сентябре 1995 г. председателем СДПР был избран Сергей Белозерцев — в свое время народный депутат СССР. Партия переживала постоянные раздоры, потрясения, раскалывалась, соединялась и снова раскалывалась.

Одно время казалось, что трудности преодолеваются. На конференции, посвященной пятилетию со дня образования СДПР, 20 мая 1995 г. шел серьезный разговор о предназначении социал-демократии в России. С приветствиями выступали политики и ученые. Приветствия прислали Егор Гайдар, Иван Рыбкин, Григорий Явлинский. От имени Республиканской партии Вячеслав Шостаковский указывал на необходимость группировать интеллектуальные силы и призывал к сотрудничеству [17].

Но позже раскольническая деятельность продолжалась. Были попытки наладить контакты с богатыми предпринимателями, но и они заканчивались конфузом. Мне становилось все более ясным, что при таких обстоятельствах влиятельную социал-демократическую партию на огромных российских пространствах не поднять. Нужны объединенные усилия авторитетных людей в сочетании с новыми финансовыми возможностями. Отсюда мое решение согласиться с прекращением деятельности СДПР первого созыва, войти в Объединенную социал-демократию во главе с М.С.Горбачевым, а затем и в новую СДПР во главе с М.С.Горбачевым и К.А.Титовым.

Что касается деятельности социал-демократов «первого созыва», то считаю своим моральным долгом в последующем рассказать более подробно об их деятельности. Это было славное и трудное время социал-демократического романтизма. Время, которое, увы, продолжалось совсем не долго.

ОТ ДВИЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ К ДВИЖЕНИЮ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ»

В рамках КПСС в ходе Перестройки развивались тенденции в направлении к социал-демократии; такие же инициативы рождались в самом низу, в разного рода «Клубах Перестройки», то тенденции, близкие к социал-демократическим, наблюдались и в депутатском корпусе — в новом обновленном составе Верховного Совета СССР, в Верховном Совете РСФСР, а затем Верховном Совете Российской Федерации. В этом процессе принимали участие авторитетные люди, которых знала вся страна. Так, в середине лета 1989 г., а точнее 7 июня, была официально учреждена Межрегиональная депутатская группа. В ее состав вошли 150 депутатов. Сопредседателями МДГ стали Ю.Афанасьев, Б.Ельцин, Г.Попов, А.Сахаров и В.Пальм.

Через год на XXVIII съезде КПСС (2 июня 1990 г.) Г.Попов и А.Собчак вышли из партии, и еще через год (12 июня 1991 г.) их избрали мэрами обеих столиц — Москвы и Санкт-Петербурга.

Через полгода, 14 декабря 1991 г., состоялся Учредительный съезд Движения демократических реформ. В нем приняли участие 1150 делегатов из всех бывших республик СССР. После распада СССР это движение преобразовалось в общероссийское. В Нижнем Новгороде 15 февраля 1992 г. прошел Учредительный съезд Российского движения демократических реформ (РДДР). Съезд принял Устав и Программу, избрал Политсовет во главе с Г.Х.Поповым. Первое, чем занялось движение, — подготовка аль-

тернативного проекта проекту Конституционной комиссии Верховного Совета Российской Федерации. Комиссию возглавили известные юристы С.С.Алексеев и А.А.Собчак.

В декабре 1993 г. состоялись выборы в Государственную Думу. РДДР приняло в них участие. За список этого движения проголосовало более 2 млн. человек. В первой тройке списка были Анатолий Собчак, известный офтальмолог Святослав Федоров и известный киноартист Олег Басилашвили. Но преодолеть пятипроцентный барьер Движению не удалось, и в Думе оно как фракция представлено не было.

Через два года состоялись новые выборы в Государственную Думу. К этому времени по инициативе Г.Х.Попова было создано новое движение, имевшее уже прямое отношение к социал-демократии. Оно так и называлось: Движение «Социал-демократы». Избирательный блок возглавили Гавриил Попов, Василий Липицкий, Олег Богомолов. В предвыборной брошюре были названы цели движения: «Социал-демократы идут на выборы с двумя главными лозунгами: отказ от стратегии реформ, разработанной для отсталых слаборазвитых стран, замена ее на новую, отвечающую особенностям России и опирающуюся на опыт таких стран, как ФРГ, Финляндия, Испания, Греция, где переход к эффективной экономике и демократии сочетался с мерами по поддержке широких слоев населения; принятие законов, защищающих интересы большинства народа, для справедливого распределения как выигранных, так и трудностей преобразований между всеми гражданами России» [18, с. 1].

На этих выборах блок «Социал-демократы» собрал лишь 0,18% голосов. И он также не прошел в Государственную Думу.

Неудачей закончились и выборы в Государственную Думу 19 декабря 1999 г.

В чем причины всех этих неудач? В «Тезисах» Г.Х.Попова «Есть ли у социал-демократов будущее в России?», распространенных РДДР осенью 1995 г., Г.Х.Попов так отвечал на эти вопросы: «Среди причин слабости социал-демократии следует отметить, что за пределами КПСС в советской обстановке никаких массовых структур возникнуть не могло — ни либеральных, ни правых, ни левых.

А в самой КПСС консерваторы господствовали. Реформаторские лидеры (М.С.Горбачев прежде всего) не решились на разрыв. Попытки снизу («Демплатформа в КПСС», «Коммунисты за реформы» и т.п.) были недостаточно мощными. Инициатива по созданию Движения демократических реформ была серьезной, но опоздала.

И все же главные причины провала попыток социал-демократии России стать влиятельной силой следует искать в другом.

Во-первых, в России этап начальных преобразований, этап демонтажа старого оказался сложным и длительным. Дифференциация реформаторских сил на либералов и социал-демократов на этом этапе не ослабила бы реформаторский фронт в целом.

Во-вторых, в целом реформаторский фронт в России был настолько слаб, а силы коммунистического реванша столь сильны, что массы не поняли бы раскола. Правящий реформаторский фронт был создан в основном реформаторами из номенклатурно-аппаратных структур КПСС с привлечением либералов и при опоре на демократический порыв масс. Места для социал-демократов в этом фронте не оказалось» [19, с. 213].

Третьей причиной Г.Х.Попов называет отсутствие интереса Запада к российской социал-демократии и установление им контактов с правящей номенклатурой.

Вообще, тема бюрократии является одной из главных в аналитических материалах Г.Х.Попова. С характером ее деятельности он связывает те или иные зигзаги в политической истории России. Именно в этом ключе он, в частности, рассматривает сюжет, связанный с добровольной отставкой Б.Н.Ельцина и приходом к власти В.В.Путина. В статье «Чистка закончена», опубликованной в газете «Московский комсомолец» 10 января 2001 г., он исходит из того, что нынешняя демократия в России — это номенклатурная демократия. Ее особенность в том, что она уже демократией овладела. Об этом свидетельствует ее умение манипулировать в ходе выборов в Государственную Думу в 1999 г. По мнению Г.Х.Попова, отставка Ельцина осуществлена правящей группировкой внутри российской бюрократии в целом. Почему? Да потому что «нормальные выборы, стопроцентно гарантирующие сохранение власти **в руках бюрократии**, не дают абсолютных гарантий для победы **правящей** нами группировки. Для победы ей нужны не только обычные нормы демократии, но и своего рода подпорки, страхующие костыли» [19, с. 368].

Уход Ельцина, пишет далее Г.Х.Попов, означает окончательное утверждение номенклатурной демократии, и этот уход «является последним актом чистки правящей бюрократии от родимых пятен народной революции 1989–1991 гг.» [19, с. 368].

В свое время, разъясняет Г.Х.Попов, радикальные реформаторы из номенклатуры пошли на временный союз с народным движением, лидерами масс. Но затем начался процесс вытесне-

ния демократов из рядов победившей демократии, или же процесс перехода в эти ряды «перерожденцев».

«Скорее всего, первым порвал бы с бюрократами-реформаторами А.Д.Сахаров, но этому помешала его ранняя смерть... Сразу же после победы над КПСС, в августе 1991 г., ушел Ю.Н.Афанасьев, а вскоре оставил пост мэра и я... Ну а затем началась чистка. Одних тащили в прокуратуру. Других проваливали на выборах. Третьих убивали. Четвертых увольняли. Пярых покупали» [19, с. 369].

Вывод, который делает Г.Х.Попов в своей статье: «Вина за выбор худшего из возможных вариантов — курса реформ по западным рецептам — лежит на самом Борисе Николаевиче Ельцине. Но это его вина перед российской бюрократией».

Вина же Б.Н.Ельцина **перед народом** в другом. Избрав номенклатурный курс, избрав в нем западнический вариант, он не предупредил народ об ожидающих его бедах. Не защитил от произвола бюрократии. Не решился он и призвать народ к самозащите, к самообороне — по уже известным рецептам социал-демократии Запада. Боли родов нового строя Ельцин отменить не мог, но облегчить родовые муки он мог — и был обязан» [19, с. 369].

Следует заметить, что, возглавляя движение «Социал-демократы», Г.Х.Попов предпринимал усилия по объединению разрозненных социал-демократических групп. Так, уже в 1999 г. 14 мая в Москве, в Колонном зале Дома союзов состоялся Конгресс социал-демократических сил России. К сожалению, его решения и призывы большого отклика в российском обществе не нашли. Было ясно, что надо предпринимать новые усилия по созданию влиятельной социал-демократической партии в стране. Осенью, а точнее 9 октября 1999 г., состоялся IV съезд движения «Социал-демократы». Съезд предложил М.С.Горбачеву возглавить объединенную социал-демократическую партию. Того, как происходило учреждение новой партии, мы коснемся чуть ниже. Но прежде рассмотрим важное обстоятельство: в российском социал-демократическом пространстве появились социальные демократы в лице собственной политической партии.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

18 февраля 1995 г. — день рождения новой политической партии в России — Российской партии социальной демократии. Ее председатель — Александр Николаевич Яковлев — один из глав-

ных идеологов перестроечного процесса в СССР — так охарактеризовал ее предназначение: «Партия намерена твердо проводить политику, направленную на утверждение свободы личности — творческой, экономической, политической».

Здоровье, образование, культура и семья — четыре угла нашего Дома по имени Россия» [7, с. 3].

В этой связи уместно кратко поразмышлять о судьбах либерализма в современной России. С либералами большевики покончили в ходе Октябрьского переворота. Какого-либо заметного политического движения либералов в последующей эмиграции не наблюдалось, при этом многие видные представители российской диаспоры считали себя либералами, отразив это в соответствующих произведениях. К числу либералов принадлежали П.Б.Струве, А.Н.Милоков, А.С.Изгоев, многие известные специалисты в области правовых наук. В СССР продолжал действовать на научном поприще академик В.И.Вернадский — автор известной теории «ноосферы».

В советское время охотно воспроизводились высказывания Салтыкова-Щедрина о «прекраснодушных либералах». Мальчишкой я успел запомнить дразнилку: «Кадет — на палочку надет», не подозревая, что речь идет о конституционных демократах. В большевистской литературе либерализм, точно так же, как и гуманизм, почти всегда сопровождался эпитетом «гнилой».

Так что к началу Перестройки в общественном сознании либо отсутствовало представление о том, кто такие либералы, либо их воспринимали негативно. Упрощенно стали воспринимать себя в роли либералов создатели первых политических группировок, которые в конце концов превратились в политическую партию — Союз правых сил. Название, на мой взгляд, не совсем удачное, поскольку правые в политическом спектре Европы соседствуют с крайне правыми, националистическими группировками вуде партии Лё Пена во Франции.

От СПС отпочковалась партия «Либеральная Россия», которую финансировал Борис Березовский и которую возглавлял Сергей Юшенков. После убийства Юшенкова эта партия перестала существовать. Важно отметить, что по своей политической философии руководители СПС — «крутые» рыночники, полагающие, что свободное развитие рыночных отношений все расставит на свои места. Пока что до этого далеко. Разрыв между бедными и богатыми слоями в России так велик, как ни в какой другой стране. При этом фактически игнорируется то обстоятельство, что три поколения россиян прожили в условиях пусть плохо организованной, но функционирующей системы социальной за-

щищенности, и ломать ментальность этих людей «через колено» — и несправедливо, и безнравственно.

Это обстоятельство побуждало реалистически мыслящих либералов задумываться над социальной составляющей рыночной экономики и разрабатывать собственные политические подходы. Отсюда — появление социальных либералов, прежде всего в лице движения «Яблоко» и его лидера Григория Явлинского.

Кстати, социальный либерализм — отнюдь не специфическое российское явление. Во многих либеральных партиях Европы существуют фракции подчеркнуто социальной ориентации. Новое в политической жизни стран Европы — развитие либерализма в направлении к социальности и одновременное развитие социал-демократии к социальности либеральной окраски. Лейбористская партия Великобритании во главе с Тони Блэром — это новый тип социал-демократии, которая при сохранении основных социал-демократических ценностей — свободы, справедливости, солидарности — практически совершает поворот к социальному либерализму.

Учреждение Партии социальной демократии, на мой взгляд, было явлением того же порядка, только на российской почве и с учетом российской специфики. Это прослеживается уже на Первом съезде РПСД в докладе А.Н.Яковлева. Вот его позиция: «Убежден и говорю об этом прямо и категорично: обновление России, ее достойное место в мире немыслимы и невозможны без продолжения и углубления реформ» [20, с. 35].

Каким же образом? «И власть, и общество, и все социально-политические силы, и каждый из нас можем и обязаны сделать все, чтобы реформы не шли через кровь, насилие и анархию, чтобы над страной не висела постоянная угроза потрясений, бедствий и конфликтов» [20, с. 35].

Это уже близко к политической культуре социал-демократии, существующей в странах Европы. Но что думал о социал-демократии докладчик? «От законов истории не уйдешь. Россия не прошла этап социальной демократии в политике, как не прошла и рыночный этап развития. Это не означает, что новая организация должна топтаться на западном социал-демократическом поле, тем более что оно весьма разнообразно от страны к стране». И далее: «В сущности, Перестройка была попыткой повернуть тогдашнюю КПСС, ее политику и руководящие структуры на дорогу социал-демократизма, с которого когда-то начиналась РСДРП, то есть на дорогу реформ. Сейчас можно до бесконечности спорить о том, могла ли такая попытка завершиться удачей. Думаю, что в принципе могла» [20, с. 36].

Еще одно важное разъяснение: «В отличие от достаточно четко оформленного и энергично действовавшего реакционно-сталинского крыла КПСС, потенциальные реформаторы не смогли (или не захотели) **в полной мере** обозначить себя как крыло демократическое. В этом есть и моя личная вина» [20, с. 36–37].

Что делать сторонникам социал-демократии в сложившихся условиях? Вывод А.Н.Яковлева: «Участие социал-демократов на вторых и третьих ролях в различных коалициях, неумение социал-реформаторов публично развернуть и обосновать свои идеи привело социальную демократию к серьезному кризису. Мы должны как можно быстрее преодолеть этот кризис, ибо на отечественном политическом пространстве естественная ниша социал-реформаторства — левый центр — пуста, хотя ее сейчас агрессивно пытаются занять и дрейфующие коммунисты, и серобуромалиновые популисты, и левые радикалы, продолжающие танцевать под музыку левых фраз» [20, с. 37].

Какую же стратегию действий предложил А.Н.Яковлев? «Демократия победит в России не через суперпрограммы и величественные проекты, не через шум и гам, а через политику и тактику малых, а потому весьма весомых дел — или не победит вообще. В конце концов, именно так, только так завоевывали себе вес и влияние все те партии социально-демократической ориентации, которые сумели добиться авторитета и признания электората в своих странах» [20, с. 40].

И почти в самом конце речи: «Не чудеса, не революционные скачки и глобальные прорывы, а компетентный и честный труд способны постепенно, шаг за шагом, привести общество к духовной, достойной, материально обеспеченной жизни, стимулировать в обществе высокую культуру общественных отношений» [20, с. 42].

Съезд принял «Хартию свободных россиян», избрав в качестве эпиграфа ценности: свобода, труд, собственность. Среди прочих резолюций принята резолюция «Об угрозе фашизма», в которой содержался призыв к скорейшему объединению всех демократических сил страны на базе противостояния фашизму и шовинизму. Ныне тревога, высказанная социальными демократами в 1995 г., сохраняет свою актуальность. Съезд поддержал также Федеральную программу развития малых и средних городов Российской Федерации.

На II съезде РПСД, состоявшемся 1 июня 1996 г., Е.М.Медведкова в своем докладе вновь обозначила идейные позиции социальных демократов: «Российская партия социальных демократов принципиально отвергает идеологию и практику неолевыхиз-

ма в лице Коммунистической партии Российской Федерации, а также ее союзников, стоящих на позициях национал-патриотизма и фашизма. Задача партии как исторического идеологического оппонента большевизма состоит в том, чтобы не допустить эксплуатации идей социальной демократии нашими противниками» [20, с. 103].

В докладе Е.М.Медведковой ставился вопрос о втором этапе российских реформ. «Либеральный этап реформирования себя исчерпал, и общество в принципе готово принять идеологию социал-реформизма. Я не буду сейчас говорить о моделях экономических, я говорю о политической и социальной сторонах проблемы. Гражданин должен быть свободен! И все, что происходит в этом государстве за счет власти государства и его экономических возможностей, должно быть поставлено на благо человека» [20, с. 107].

В докладе был затронут вопрос о возможности участия в деятельности Социалистического Интернационала. «Здесь дело не только в фиксации нашего членства. Мы считаем, что практика и развитие теории социал-реформизма с учетом российских реалий, нашего собственного опыта и теоретического осмысления этих процессов принесет в Социнтерн новую струю» [20, с. 111].

В своем выступлении на этом съезде среди прочих проблем А.Н.Яковлев выдвинул проблему нравственности. «Мы не можем равнодушно смотреть на то, как культура коммерциализируется, зависит от подачек частных лиц. Меценатство — дело доброе, но государство и общество не может снять с себя ответственность за культуру. Не может. Это будет серьезной исторической ошибкой, которая рано или поздно деформирует общество, а людей превратит в стадо манкуртов» [20, с. 119].

И еще одна важная мысль в выступлении А.Н.Яковлева: «Только свободный человек может быть нравственным человеком. Остальное остается болтовней. Но пока что наш человек учится свободе... Борьба за свободу — это прежде всего борьба с самим собой. И только на основе этого медленного процесса могут стать ясными наши цели, наши желания, наши чаяния и наши требования» [20, с. 119–120].

На II съезде РПСД среди других документов была принята резолюция «Об объединении сил социальной ориентации». В ней, в частности, записано: «Партия Социальной демократии призывает все группы и организации социал-демократической ориентации объединить свои практические усилия по созданию гражданского общества, по углублению демократических реформ.

РПСД считает принципиально важным расширение связей с

Социнтерном и социал-демократическими объединениями в странах СНГ» [20, с. 125].

Примечательно, что позднее РПСД приняла специальную резолюцию «О нравственности в политике» (30 октября 1996 г.). В ней, в частности, говорится: «РПСД считает, что возрождение России возможно только на основе нравственности и этики отношений, в т.ч. в сфере публичной политики, и задачу ее становления рассматривает как первоочередную для истинных патриотов России» [20, с. 138].

На III съезде РПСД, состоявшемся 30 октября 1998 г. в Москве, в докладе А.Н.Яковлева вновь отчетливо прозвучала тема нравственности: «В наших программных установках мы говорили о неизбежности новой парадигмы в демократическом развитии. Наступающее критическое осознание, своего рода ревизия состояния общественно-политических реальностей, резко поднимает значение здравого смысла, нравственного начала и социальной ответственности. Иными словами, мы призываем к переводу общего курса на рельсы социальной демократии» [20, с. 181].

Вместе с тем: «Свобода, законность, рынок, частная собственность, права человека воспринимаются значительной частью общества уже как само собой разумеющиеся составные части образа жизни. Политический либерализм близок к нам, социальным установкам нашей партии» [20, с. 181].

По этому поводу высказалась и первый заместитель председателя РПСД Е.М.Медведкова: «Как социал-демократы, мы считаем, что диалог и сотрудничество всегда позитивны и конструктивны. Нам, безусловно, надо продолжить обмен мнениями, особенно в теоретической части обоснования курса на социал-демократию в России, с нашими коллегами в партиях и движениях, для которых ясно, что возврат к тоталитарному прошлому не приемлем» [20, с. 194].

IV съезд РПСД состоялся в марте 2000 г., и на нем произошли организационные изменения. А.Н.Яковлев остался лидером партии. А новым председателем партии стал К.А.Титов — губернатор Самарской области. Предлагая кандидатуру К.А.Титова, А.Н.Яковлев так высказался о нем: «Я знаю его давно. Как политический деятель он сформировался в годы перемен, твердо встал на путь демократического переустройства общества. Особенно ценным является то, что он экономические реформы видит в неразрывной связи с социальными, что и демонстрирует на практике жизнеспособность идей социальной демократии. Он против голого технократического прагматизма, выступая за прагматизм здравого

смысла. Он верит в идеи социальной демократии, а потому заслуживает нашего доверия» [21, с. 24].

На этом съезде А.Н.Яковлев вновь вернулся к проблеме соотношения социал-демократии и социального либерализма. «Социал-демократическое направление на Западе достигло серьезных успехов. Через большие трудности оно добилось признания во всех европейских странах, внесло большой вклад в идеологию и практику социального партнерства, что приостановило процесс революционно-разрушительного безумия. Велика его заслуга и в борьбе за права человека, его суверенность, которая, как я уже говорил, станет основой мироустройства будущего века. Но несомненно и другое. В последние годы оно, это движение, начало страдать одышкой. Запас идей близок к исчерпанию. Социальная опора расширяется де-факто, но де-юре социал-демократия в основном, если брать концептуальную сторону вопроса, остается выразителем интересов только наемного труда. Традиции ушедшего времени дают о себе знать» [21, с. 19].

«А где же мы?» — задается далее вопросом А.Н. Яковлев и отвечает: «С одной стороны, с либерализмом нас сближает гуманистическая сфера человеческой деятельности и свобода человека. С социал-демократизмом — концепция социального партнерства, равный доступ к достойному качеству жизни. По моему убеждению, мы должны взять все самое полезное из опыта этих двух направлений, то, что адекватно грядущему веку и одновременно конкретным условиям России» [21, с. 21].

В том же 2000 году, но уже осенью — 28 октября, состоялся V съезд РПСД. Делегаты съезда имели возможность ознакомиться с позицией председателя партии, изложенной в его докладе.

К.А.Титов, в частности, сказал: «Наша партия — политическая организация, связанная с конкретной идеологией. Мы — сторонники социальной демократии. Словом «социальная» мы по инициативе Александра Николаевича Яковлева с самого начала существования партии хотели подчеркнуть: мы не сторонники возврата к социализму, но мы не предлагаем и строительство капитализма периода накопления капитала. Мы за сочетание цивилизованной рыночной экономики и социального государства» [22, с. 6].

В чем видел особенность партии ее новый председатель? «Мы считаем, что основной ценностью в обществе и, соответственно, в государстве должен стать «человеческий капитал» — знания, профессионализм, интеллект. К сожалению, интеллектуальный потенциал никогда всерьез не ценился в России, особенно после 1917 года. Следует переломить эту ситуацию. Интеллект

необходимо превратить в главный ресурс развития нашей страны. Отсюда наш упор на роль науки, образования, культуры. Отсюда внимание к людям, к человеку. Отсюда наша стратегическая цель — становление в России гражданского общества» [22, с. 9].

На этом съезде А.Н.Яковлев вновь вернулся к понятию социального либерализма: «На мой взгляд, в понятие нормального социума вполне правомерно входят и защита прав человека, свобода творчества, слова, вести, что вкупе с социальной экономикой и может быть определено как социальный либерализм, что в философском плане отражает единство сознания и материи» [22, с. 20].

ПУТЬ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

После того как социальные демократы в 2000 году провели два съезда, начался процесс объединения социал-демократов, который возглавил М.С.Горбачев. По большому счету, это было знаковое событие. Генеральный секретарь влиятельнейшей в мире коммунистической партии на последней фазе ее существования инициировал процесс радикального обновления, ее поворота к социал-демократии. По целому ряду причин этот процесс был прерван в августе 1991 г. И вот спустя 9 лет этот же человек соглашается возглавить социал-демократическую партию в новых условиях и в новом составе.

На Учредительном съезде Российской объединенной социал-демократической партии, состоявшемся 11 марта 2000 г., М.С.Горбачев так объяснил свое согласие: «За последние два года ко мне не раз обращались с предложением — или самому проявить инициативу, или стать участником совместной акции по объединению социал-демократических сил, созданию крупной партии. Я считал до недавнего времени, что такой момент не пришел. Сейчас я и умом понимаю, и сердцем чувствую — нельзя больше задерживаться с созданием серьезной общероссийской Социал-демократической партии.

Сколько времени понадобится для того, чтобы вновь созданная партия набрала сил, не знаю. Хотя мы берем ориентир, ближайшую цель — подготовиться к следующим выборам, быть уже силой, способной активно участвовать и выдвигать программы и своих кандидатов. Сколько понадобится времени партии для того, чтобы убедить народ в своей правоте, не знаю. Но глубоко убежден: надо начинать, и уверен, что рано или поздно граждане России, все здоровые силы нашей великой Родины нас поймут, оправдают и поддержат» [23, с. 8].

В докладе М.С.Горбачев изложил свое понимание предназначения социал-демократии: «В современной социал-демократической идеологии радикально изменилась идея защиты интересов трудящихся. Сейчас социал-демократы на первое место выдвигают идею подготовки человека к новым видам деятельности, идею учебы и главное — помощь людям труда в адаптации к меняющимся кардинально условиям жизни в процессе перехода к постиндустриальному обществу» [23, с. 3].

Как понимал докладчик постиндустриальное общество? Вот его видение: «Мы исходим из того, что мир переживает стремительный переход от индустриальной цивилизации к новому, **постиндустриальному (информационному) обществу**, где главенствующую роль играют **знания, культура, духовные ценности**» [23, с. 3].

Как в этом контексте выглядит политика реформ? «Социал-демократы выступают за отказ от нынешней стратегии реформ, выгодной только одной группировке — номенклатуре и крупному капиталу. Мы выступаем за новый курс реформ, отвечающий долгосрочным интересам народа, кстати, в том числе бюрократии и капитала, перспективную программу выхода России из кризиса, прорыв в индустриальную фазу развития общества» [23, с. 3].

И еще один важный вывод: «В условиях стремительно развивающейся технологической революции мотивация экономической деятельности не может основываться только на личной выгоде. Сегодня выгодны **солидарность и ответственность** по отношению ко все более широкому кругу людей. Новая цивилизация требует новый тип **предпринимателя и работника**, равно заинтересованных в высокой динамике общества, способных к справедливому распределению между собой плодов совместного труда» [23, с. 3–4].

Как выразился М.С.Горбачев в свое время и несколько по иному поводу, «процесс пошел». В РОСДП вошли несколько организаций социал-демократического толка, в том числе и та часть расколотой СДПР, в руководство которой к тому времени на VIII съезде СДПР были избраны С.В.Белозерцев, Л.Б.Гуревич и автор данной работы. Мы отдавали себе отчет в том, что время межпартийных междоусобиц должно уйти в прошлое. Тот, для кого социал-демократия — не просто место для партийных игр и карьерных ожиданий, но возможность оказывать влияние на политические процессы в России в сторону гуманизма, демократии и цивилизованности, тот не может не использовать новую открывшуюся перспективу при всех нежелательных дальнейших

поворотах в деятельности новой партии. Чувство ответственности вынуждает к принятию ответственных решений.

Тем временем между объединенной социал-демократией М.С.Горбачева и партией социальной демократии К.А.Титова и А.Н.Яковлева наметились варианты сближения, и вот уже 4 июля 2001 г. в Московском Доме ученых состоялось учредительное заседание Организационного комитета по созданию единой социал-демократической партии России. В заседании приняли участие делегации РОСДП и РПСД под руководством Михаила Горбачева и Константина Титова.

В заявлении Оргкомитета подчеркивалось: «В основе нашего объединения лежат фундаментальные ценности международной социал-демократии, которые зафиксированы в наших программах: свобода, равенство, солидарность, права человека и социальное партнерство» [24].

Вместе с тем «сегодня нужна новая политическая идеология, выражающая интересы гражданского общества и каждой суверенной личности».

Указывалось также, что теория и практика современной социал-демократии является «альтернативой коммунистической утопии и радикальному либерализму».

И еще одно существенное положение в Заявлении: «Мы исходим из того, что успешная и эффективная политика может проводиться в жизнь, только опираясь на нравственные начала, разделяемые большинством общества, а не мнимой поддержкой населения» [24].

Период от 4 июля 2001 г. до 24 ноября 2001 г., то есть меньше пяти месяцев, был насыщен проведением конференций в различных регионах страны, где представители обеих партий сверяли свои позиции, обсуждали организационные и персональные вопросы объединения, высказывали пожелания руководству будущей объединенной партии. Одновременно шла работа над проектом программы новой партии и уставом. В ходе подготовки было оговорено, что в партии будут два поста — лидера и председателя.

На Учредительном съезде — 24 ноября 2001 г. — лидером партии был избран М.С.Горбачев, председателем — К.А.Титов. Было избрано Центральное правление, на нем секретарем-координатором был избран В.И.Мироненко, в свое время возглавлявший Всесоюзную организацию комсомола и четко обозначивший в ходе Перестройки социал-демократические позиции. Был также избран Политсовет, состоящий из 29 человек. В свою очередь, Политсовет избрал секретарей по различным областям деятельности.

В своем докладе М.С.Горбачев, помимо прочего, остановился на специфике теоретических позиций российской социал-демократии. Он сказал: «Социал-демократия — партия России — в своей политике исходит из таких важнейших ценностей, как свобода, солидарность и справедливость. Но при этом она берет эти ценности не абстрактно, она не копирует ни шведскую, ни немецкую, ни другие модели, хотя мы проявляем большой интерес ко всем этим моделям. Мы думаем, что применение общих принципов социал-демократии должно быть тесно связано с российской действительностью» [25].

Обратив внимание на то, что в мире сегодня происходит кризис идеологий как левого, так и правого толка, М.С.Горбачев так изложил свой подход к этой проблеме: «Сегодня нужна политическая идеология «третьего пути», скажем так, преодолевающая крайности державного коммунизма и радикального либерализма... Социал-демократы, в отличие от коммунистов и неолибералов, не навязывают обществу жесткой модели, под которую можно подогнать жизнь. Они считают, что будущее общества тысячами нитей связано с прошлым и настоящим, поэтому в нем должны соединиться оправдавшие себя на практике черты как капитализма, так и социализма. Отечественные социал-демократы считают своей главной целью создание демократического, открытого и гуманистического общества, в котором в равной мере будут использованы и ценности либерализма, и ценности социализма. Мы также считаем, что в таком обществе найдут свое место и общечеловеческие нравственные ценности, широко, серьезно и интересно представленные в различных религиях, которые присутствуют на пространствах России» [25].

Эту же тему затронул в своем докладе и К.А.Титов: «Какая же идеология, создаваемая нашей партией? Такой идеологией может стать социальный либерализм. Сейчас идет много споров по поводу этого термина. Нас обвиняют в том, что мы исповедуем теорию правого крыла политического спектра нашей страны — либерализм в экономике. Но это не так. Социальный либерализм как результат эволюционного развития современной социал-демократии имеет несколько другой, чтобы не сказать вообще другой, смысл. А именно: приоритетом является решение социальных задач, а экономика, государство являются лишь средствами решения этих задач» [25].

Свою точку зрения в ходе дискуссии по проекту программы высказал А.Н.Яковлев: «Надо иметь в виду, что когда мы обсуждаем новую программу, то все-таки это консолидированная программа. Я тоже здесь с чем-то не согласен, у нас было много спо-

ров, есть несогласие и с другой стороны. И в будущем, дорогие друзья, у нас будет проступать и краснота, и будут появляться сторонники форсажа общественного развития. Это все нормально в социал-демократии. Будем спорить, будем дискутировать. Здравый смысл к этому должен быть готов» [25, с. 8].

Как член Программной комиссии, могу свидетельствовать, что ход работы над текстом был трудным, перерабатывалось несколько вариантов. Но лично меня это не удивляло. Я помнил, что «Франкфуртская декларация» Социалистического Интернационала, — документ, позволивший социал-демократии после Второй мировой войны по-новому подойти к пониманию своего предназначения и к своей теоретической базе (отказ от единой, прежде всего марксистской идеологии), был принят в 1951 г. только с четвертого захода. И в общем мне представлялось, что в новой программе российские социал-демократы только обозначили свои новые подходы, во многом еще находясь в кругу старых представлений о характере идеологии и ее предназначении. Но при этом удалось существенно изменить ряд традиционно сложившихся приоритетов. Так, в новой программе как перво-степенные рассматривались вопросы социальной политики, а затем уже вопросы экономики. Точно так же по-новому поставлен вопрос о взаимосвязи между гражданским обществом и государством, где на первом месте именно гражданское общество. В этой связи весьма актуальным было выступление на съезде Г.Х.Попова, где он рассматривал вопросы самоуправления: «По существу, в нашей стране произошла бюрократическая подмена самого понятия самоуправления. Самоуправлением стали называть муниципальные управления, то есть низший этаж государственного управления. Между тем, во всем мире самоуправление — это именно самоуправление самих граждан. В России это было земство» [25].

Представляется важным, что в программе заявлено о намерении социал-демократов бороться демократическими методами за завоевание политических позиций во всех структурах власти. При этом «социал-демократическая партия России идет к власти для реализации своих политических целей... Мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы Россия на деле стала свободной, демократической и процветающей страной» [25, с. 6].

Любая теория, но также и любые намерения проверяются практикой. Серьезной проверкой для новой СДПР оказались выборы в Государственную Думу, состоявшиеся поздней осенью 2003 г. Разногласия возникли уже при выборе стратегии. Лидер партии М.Горбачев предлагал идти списком на выборах. Предсе-

датель партии К.Титов — участием в одномандатных округах, полагая, что списочный вариант не сможет быть подкреплен достаточными финансовыми возможностями. В результате СДПР выставила на выборах 16 кандидатов, и ни один из них не прошел в новый состав парламента. Возник партийный кризис. Ушел с поста лидер М.Горбачев. Подал фактически в отставку председатель партии К.Титов. На очередном, III съезде СДПР (4 сентября 2004 г.) новым председателем был избран Владимир Николаевич Кишенин — представитель более молодого поколения, человек с опытом предпринимательской деятельности и со своим пониманием стиля руководства в массовой демократической организации. Как все это отразится на будущем СДПР? Вопрос, который остается открытым и для членов партии, и для тех, кто анализирует ее деятельность со стороны.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Со всей убедительностью хотелось бы подчеркнуть, что автор данной работы не ставил своей задачей полностью воссоздать картину становления новой социал-демократии в России. Не рассмотренными оказались партия вице-президента Российской Федерации Александра Руцкого «Российская социал-демократическая народная партия», Социалистическая партия экс-спикера Государственной Думы Ивана Рыбкина, а также Партия самоуправления трудящихся Святослава Федорова, которая добилась наибольших успехов на выборах в российский парламент (4,3% поданных голосов), другие группировки социал-демократической ориентации, в том числе близко стоящие к КПРФ.

Весьма фрагментарно также была изложена первоначальная история социал-демократии в России. Я обращал внимание лишь на те сюжеты, которые позволяют учесть опыт — позитивный и негативный — в ходе дальнейшего становления СДПР как влиятельной социал-демократической партии в России.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — прошлое российской социал-демократии и ее настоящее. Грузинский певец произнес в одной из песен ставшие популярными слова: «Мои года — мое богатство». Богатство российской социал-демократии в ее истории, драматической, противоречивой, порой непоследовательной и ошибочной, но наполненной действиями ярких личностей, начиная от Георгия Плеханова, Юлия Мартова, Павла Аксельрода, Веры Засулич, Александра Потресова, Ираклия Церетели, Николая Чхеидзе. Список можно продолжать и продолжать. Все эти люди в своих действиях руководст-

вовались нравственными побуждениями, верой в возможность создать в России справедливое, процветающее общество. А кто сегодня знает представителей меньшевизма, которых репрессировали, ссылали, гноили в тюрьмах, расстреливали, или тех, кто был вынужден эмигрировать и прах которых покоится на кладбищах Германии, Франции, США, других стран?

Тот, кто называет себя сегодня социал-демократом, должен отдавать себе отчет в том, что он продолжает традиции, заложенные еще в последней трети XIX века, традиции служения народу, так, как это понимали социал-демократы. При этом проявилась главная болезнь России — раскол. Сначала народники раскололись на просветителей и террористов, а затем и социал-демократы — на демократических реформаторов и сторонников насильственных революционных действий. Быть может, они отразили в себе традиции российской политической культуры, где вечно соседствовали бунт («бессмысленный и беспощадный») и здравый смысл созидательной деятельности. Современные социал-демократы просто обязаны донести до нынешних поколений правду о людях, которые в свое время связали свою судьбу с социал-демократией, обязаны продолжить и воплотить в жизнь надежды социал-демократов «первого часа».

При этом в качестве первой задачи для представителей новой социал-демократии встает формирование социального партнерства в специфических условиях XXI века. На учредительном съезде новой СДПР А.И.Воробьев — наш известный академик от медицины — призывал делегатов осознать, что социал-демократы представляют интересы трудящихся [25]. И против этого трудно что-либо возразить, но с одной существенной поправкой. На современном витке экономического развития интересы наемных работников в важных моментах совпадают с интересами предпринимательства, прежде всего в том, что касается эффективности предприятий, от чего выигрывают обе стороны. Разумеется, если эти результаты предусмотрены договоренностями конкретных партнерских соглашений. Проблема заключается в том, как эти новые обстоятельства выстроить в конкретных механизмах социального партнерства, да еще в специфических условиях России, находящейся в переходном периоде. Но именно ясного ответа на эти вопросы ждут миллионы наемных работников и предпринимателей — крупных и малых, и именно этот ответ призвана дать российская социал-демократия. Между тем, в документе, названном «Материалы к Программе действий Социал-демократической партии России» и подготовленном Рабочей группой Программной комиссии СДПР, тема

трудовых отношений вообще не была выделена и лишь мимоходом упомянута в разделе «Экономика». Мне представляется, что основные интеллектуальные усилия партии должны быть направлены именно на выработку нового механизма социального партнерства применительно к государственной и частной сфере, к малым, средним и крупным предприятиям.

Отсюда со всей логичностью вытекает необходимость установления тесных и постоянных контактов с профсоюзами. Эта тема ясная и не нуждается в обосновании. Во всех влиятельных социал-демократических партиях массовость обеспечивается именно взаимовыгодными связями с профсоюзами, а также с женскими и молодежными организациями. Профсоюз, женские организации, молодежный союз — это три кита, на которых стоит социал-демократия. 27 апреля 2002 г. в Москве состоялась учредительная конференция общероссийской общественной организации «Женский социал-демократический конгресс». Опубликованные тезисы этой организации свидетельствуют о том, что она стоит на социал-демократических позициях, и, следовательно, такую инициативу можно только приветствовать.

Что-то не слышно о нашей социал-демократической молодежи. Пресловутые «Идущие вместе» публично «мочат в сортире» произведения писателя Сорокина, молодежь из «Яблока» выходит на демонстрации протеста, связанные с соблюдением прав человека, а о существовании Социал-демократического молодежного союза мало кто даже догадывается.

Хотелось бы коснуться еще одной важной темы, проходящей через дискуссии на всех социал-демократических съездах и конференциях. Это — гражданское общество. Все выступающие с полным правом считают, что гражданское общество следует создавать и развивать. Но в какой роли? Гражданское общество — это не просто союз садоводов и пчеловодов, филателистов и филуменистов, хотя, как говорится, дай Бог им всем удачи. **Зрелость гражданского общества определяется степенью способности общества держать под контролем все уровни власти — от поселковой администрации до деятельности правительства и президента.** При таком понимании предназначения гражданского общества не бывает бюрократов плохих и хороших. Бюрократ — это чиновник, которого избираемые органы назначают на соответствующие должности, а если те не справляются, то их снимают с этой должности. Отсюда и предназначение политических партий — добиваться на основе выборов прихода к власти на всех уровнях и составлять соответствующие команды чиновников, действующих в соответствии с их

концептуальными установками. Так, во всяком случае, происходит в хорошо знакомой мне демократической стране Германии. Там, кстати, и органы самоуправления в общинах тоже создаются на основе выборов, в которых принимают участие политические партии. И уж затем эти органы назначают на необходимые посты нужных чиновников и держат их деятельность под контролем.

В этом затянувшемся послесловии меня по-прежнему тревожит одна мысль: склеивается ли, разрастается ли — не формально, а по существу — социал-демократическая партия. Я упоминал объединительный конгресс в Москве в 1999 г., созданный по инициативе Г.Х.Попова. К сожалению, он фактически закончился ничем, если не считать призыва к М.С.Горбачеву возглавить новую партию. Присутствовал я и на других такого рода объединительных мероприятиях, которые также не приводили к результатам. И всегда задавался вопросом — отчего так? Люди все вроде умные, порядочные, знающие, а договориться никак не могут. Ну почему, скажем, не объединились на первом этапе существования СДПР в 1990 г. эта партия с Партией республиканцев, которую возглавляли тогда Вячеслав Шостаковский и Владимир Лысенко? Почему затем не осуществилась инициатива по объединению СДПР с Демократической партией Николая Травкина, а позднее с Народной партией Тельмана Гдляна?

На мой взгляд, здесь играет роль личностный вопрос. После семи десятилетий мыслящие люди вырвались из тоталитарного рабства и, вступив на стезю политики, хотят в роли политических деятелей выступать предельно самостоятельно, а не подпадать под контроль партийной дисциплины тех, кто в результате объединения встанет над тобой.

То, что в новой СДПР на равных действовали лидер и председатель партии — случай, в общем-то, уникальный — и он требовал, помимо прочего, большого политического искусства для того, чтобы партия не жила по негласному правилу «фракция Горбачева» и «фракция Титова».

Это сотрудничество не могло не осложниться по той причине, что оба руководителя придерживаются по ряду вопросов несколько разных мировоззренческих подходов. И они касаются, в первую очередь, понимания того, куда, в какую сторону, к какому обществу следует двигаться партии. М.С.Горбачев неоднократно ссылался на высказывание Брандта, что без социализма нет социал-демократии (заметим, что у Брандта есть высказывания на многие случаи жизни, и есть сведения, что в последние годы жизни он предлагал переименовать Социалистический Интернационал в Социал-демократический).

Но о каком социализме идет речь? Один из теоретиков СДПР, главный редактор журнала «Новая жизнь» Б.Ф.Славин в беседе с М.С.Горбачевым просил уточнить его представление о социализме. Вот что ответил М.С.Горбачев: «Я перечитал ту книжку, где вы спорите о социализме. Тогда я в этой дискуссии не участвовал, меня не было в Москве. Хорошая получилась дискуссия, интересная. Социализм возможен и в том варианте, который вы предлагали (формационном — *Б.О.*), но, тем не менее, это не тот социализм, приверженцем которого я себя считаю. Я много прожил, о многом передумал, через многое прошел и в конце концов пришел к социал-демократическому видению социализма. Для меня ближе всего сейчас свобода (это, кстати сказать, либеральная ценность), солидарность, социально-ориентированная экономика и связанная с этим роль государства. Это принципы, все остальное — частности. Дальше я прокладываю путь к понятию «новая цивилизация» [10, с. 32–33].

Выше приводились суждения К.А.Титова, высказанные на съездах: не социализм и не капитализм в первоначальном виде, а «третий путь». А вот точка зрения А.Н.Яковлева в его работе «О социальном либерализме (Наброски)»: «В новом столетии нам предстоит жить не в мире социализма, капитализма или конвергенции двух систем. Выбор будет принципиально иной. Это может быть мир здравого смысла и рационализма, мир компетентности и ответственности, а главное — мир безусловно суверенной личности, мир свободы в условиях сложного процесса глобализации жизни». Грядет победа «ноосферы» — сферы разума. На Земле неотвратимо воцарится новый хозяин — Его Величество Интеллект» [26, с. 57].

Эти разные точки зрения — свидетельство того, что социал-демократия по своей сути — **мировоззренческое движение** и что она ставит своей задачей решение конкретных проблем социальной справедливости увязывая с представлением о том, в каком направлении следует развиваться обществу и как отвечать на вызовы, которые бросает человеку современная цивилизация.

Социал-демократия сможет быть действенной в политическом плане, если она убедит население в способности решать насущные вопросы сегодняшнего дня и вместе с тем открывать перспективы на будущее. В силу этих обстоятельств социал-демократия просто обязана быть представленной в органах власти и проявить в них свою гуманистически ориентированную деятельность. Это необходимо всему российскому обществу, уставшему от политических дрязг и нравственного оскудения. Российские социал-демократы поставлены перед труднейшей задачей — вер-

нать доверие населения к демократической политике как к наилучшему способу решения проблем, стоящих перед страной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кагарлицкий Б.* Агония социал-демократии // Альтернативы. — М., 1998. — № 1. — С. 15–24.
2. *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. — М.: РОССПЭН, 1997. — 376 с.
3. История политических партий России / Под ред. А.И.Зеленева. — М.: Высш. школа, 1994. — 447 с.
4. *Миллер С., Поттхофф Х.* Краткая история СДПГ. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. — 344 с.
5. *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. — М.: Наука, 1997. — 472 с.
6. *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. — М.: Вагриус, 2001. — 591 с.
7. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. От Столыпина до Путина. — Кн. 2-я. — М.: Вагриус, 2001. — 479 с.
8. *Лысенко В.Н.* 10 лет «Демократической платформе в КПСС» и эволюция партийной системы в России. Доклад к заседанию круглого стола на тему «Десять лет, которые потрясли мир. Смена веков?» — М.: Институт современной политики, 2000. — 26 с.
9. Вестник Московского партклуба. № 2 / Информационный. Номер готовил А.Иванов. — М., 1989. Сентябрь. Рукопись. — 65 с.
10. Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 159 с.
11. Один из активных участников движения П.М.Кудюкин отмечает, что помимо инициатив «Демократической перестройки» были еще социал-демократическая фракция Демократического союза, социал-демократическая фракция Всесоюзного социально-политического клуба, Социал-демократическая конфедерация А.Болтынского.
12. *Лызлов В.Е.* Краткая история Социал-демократической партии России. — М., 1991. Рукопись. — 17 с.; См. также: *Белозерцев С.* Очерки современной социал-демократии в России. — М., 1996. Рукопись. — 6 с.
13. Открытая зона. Информационно-дискуссионный и аналитический альманах. — М.: Социал-демократическая ассоциация. Клуб «Демократическая перестройка». — М., 1990. № 11, январь. Выпуск готовил О.Румянцев при участии В.Кардаильского. — 57 с.
14. Социал-демократическая партия Российской Федерации. Краткий справочник / Сост. Д.А.Панкин. — М.; Петрозаводск:

Изд. информ. службы Правления СДПР, 1991. — 40 с.

15. «Социал-демократию хоронить рановато. Ответ Олегу Румянцеву» — «Независимая газета», 1 октября 1992 г.
16. Путь прогресса и социальной демократии. Программа СДПР. Принята съездом СДПР, Санкт-Петербург, 1991. — М.: Социум, 1991. — 54 с.
17. Первые итоги. Материалы конференции, посвященной пятилетию со дня образования СДПР. 20 мая 1995 г. / Сост. О.И.Шадрина. — М., 1995. — 60 с.
18. Блок социал-демократов. *Гавриил Попов. Василий Липицкий. Олег Богомолов.* Чего хотят социал-демократы? Предвыборная брошюра. — Отпечатано в типографии УМП «Издательский дом «Ладога». — 12 мая 2000 г. — 20 с.
19. *Попов Г.Х.* Демократическая альтернатива Ельцину. — Т. 2. Российское движение демократических реформ и «социал-демократы»: этапы формирования демократической альтернативы. — М., 2001. — 464 с.
20. Российская партия социальной демократии (Документы) / Под ред. акад. А.Н.Яковлева. — М., 1999. — 260 с.
21. О социальной демократии: Сборник материалов. — М.: РПСД, 2000. — 91 с.
22. Российская партия социальной демократии. Материалы очередного Пятого съезда Российской партии социальной демократии 28 октября 2000 г. — М., 2000. — 91 с.
23. *Горбачев М.С.* Доклад председателя Инициативного комитета по подготовке и проведению Учредительного съезда Объединенной российской социал-демократической партии. 11 марта 2000 г. — М., 2000. — 8 с.
24. Социал-демократ. Газета Объединенной социал-демократической партии. — М., 2001. — № 3, 5 августа.
25. Социал-демократ. Специальный выпуск. — М., 2002. — № 1 (9), 21 января.
26. *Яковлев А.Н.* О социальном либерализме (Наброски). — М., 2001. — 67 с.